

Искусно сплетенная современная сказка.

The Times Magazine

В.К.ЭНДРЮС

Лепестки на ветру

Роман

Семейная сага
с захватывающим сюжетом...
миллионы читателей
не в силах
выпустить книгу из рук

Ms London

18+

Вирджиния Клео Эндрюс Лепестки на ветру

Серия «Доллангенджеры», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131836

Лепестки на ветру: Вече; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-389-09933-3

Оригинал: V.Andrews, "PETALS ON THE WIND"

Перевод:

Елена Кукушкина

Елена Б. Туева

Вера В. Пророкова

Галина Шульга

Светлана Б. Володина

Елена Гуляева

Аннотация

Эта книга – продолжение захватывающей саги американской писательницы В. К. Эндрюс о семействе Доллангенджер. Первый роман, «Цветы на чердаке», основанный на реальных событиях, сразу стал бестселлером и был дважды экранизирован. По роману «Лепестки на ветру» в 2014 году снят телефильм с Хизер Грэм и Роуз Макивер.

Проведя три с лишним года в заточении в доме собственной бабушки, Кэти, Крис и Кэрри Доллангенджер

совершают дерзкий побег. Ошеломленные вновь обретенной свободой, они не представляют, что делать дальше. Случай приводит их в дом доктора Пола Шеффилда, где они неожиданно обретают приют и заботу. Постепенно их жизнь налаживается. Крис поступает в медицинский колледж, Кэти принимают в балетную труппу, а Кэрри – в престижную школу. Однако прошлое продолжает отбрасывать мрачную тень на все их дела и поступки. И Кэти по-прежнему одолевают мысли о том, как отомстить матери и бабушке за свое загубленное детство...

Содержание

Часть первая	7
Наконец-то свободны!	7
Новый дом	39
Вторая удача	61
Часть вторая	77
Мечты сбываются	77
Просмотр	92
Снова школа	102
Я – обольстительница?.	115
Мое первое свидание	138
Нежней всех роз	173
Конец ознакомительного фрагмента.	187

В. К. Эндрюс

Лепестки на ветру

*Быстро гонят тьму и холод
Свет, тепло и аромат...
Запах тленья все слабей,
Запах розы все слышней.*

*Томас Худ
Перевод М. Михайлова*

Copyright © 1980 by The Vanda Partnership

© С. Володина, Е. Гуляева, Е. Кукушкина, В. Пророкова, Е. Туева, Г. Шульга, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

В. К. Эндрюс (1923-1986) – американская писательница, ставшая необыкновенно популярной сразу после опубликования ее удивительного романа «Цветы на чердаке», за которым последовали другие книги захватывающей саги о семействе Доллангенджер. В дальнейшем под именем В. К Эндрюс вышло еще бо-

более 50 романов, неизменно пользующихся любовью читателей. Книги В. К Эндрюс были переведены более чем на 30 языков мира и проданы в количестве более 100 миллионов экземпляров.

Сильная сторона книг В. К Эндрюс – сочетание невероятной интриги с состраданием к тем, кто попал в ловушку.

The Times

Искусно сплетенная современная сказка.

The Times Magazine

Семейная сага с захватывающим сюжетом... миллионы читателей не в силах выпустить книгу из рук

Ms London

Часть первая

Наконец-то свободны!

Как молоды мы были в день побега! Какой восторг должен был охватить нас, когда мы освободились из этого гиблого, удушающего места! Какую радость мы должны были ощущать, сидя в автобусе, неспешно движущемся к югу. Но если мы и радовались, то никак не показывали этого. Бледные и молчаливые, мы смотрели в окно, напуганные всем, что видели.

Свобода. Есть ли слово прекраснее? Нет, пусть даже холодная и колючая рука смерти готова настигнуть нас и утянуть назад, если Бог отвернется от нас здесь, в этом автобусе. Бывают в нашей жизни такие моменты, когда просто необходимо верить в кого-то.

Проносились часы и мили. Наши нервы были натянуты, потому что автобус часто останавливался, чтобы взять или выпустить пассажиров, «на короткий пере-рыв», на завтрак, наконец, чтобы подобрать огромную негритянку, которая одиноко стояла на перекрестке грязной грунтовой дороги и бетонки, проложенной между штатами. Целую вечность она влезала в автобус, потом втаскивала множество свертков... Когда

она наконец уселась, мы пересекли границу между Виргинией и Северной Каролиной.

О! Какое облегчение покинуть этот штат, место нашего заточения! Впервые за несколько лет я немного расслабилась – совсем чуть-чуть.

Мы трое были младше всех в автобусе. Крису было семнадцать, и он был потрясающе красив: длинные вьющиеся светлые волосы до плеч, голубые глаза, опущенные темными ресницами. Их цвет напоминал цвет летнего неба, да и сам он был как теплый летний день: делал безмятежное лицо, несмотря на весь ужас нашего положения. Его прямой, прекрасно вылепленный нос внушал мысли о силе и зрелости, обещая, что Крис станет таким же, каким был наш отец, – тип мужчины, от одного взгляда которого сердца женщин начинали трепетать, даже и взгляда не нужно было... Его лицо выражало уверенность, он выглядел почти счастливым. Собственно, он и был счастлив, пока не смотрел на Кэрри, но, взглянув на ее бледное личико, начинал хмуриться, и глаза его омрачала тревога. Он стал нервно перебирать струны гитары, висевшей у него на плече, наигрывая «О Сюзанна» и тихо подпевая приятным грустным голосом, который трогал меня до слез. Мы посмотрели друг на друга и одновременно ощутили печаль от тех воспоминаний, что навеяла нам мелодия. Мы словно бы-

ли единым существом. Я не могла долго смотреть на него – боялась разрыдаться.

Наша младшая сестра свернулась клубочком у меня на коленях. Хотя ей было восемь лет, она выглядела не старше трех – такая она была маленькая, ужасно маленькая и слабенькая. В ее огромных, осененных пушистыми ресницами глазах скопилось столько страшных тайн, столько страдания – гораздо больше, чем мог вынести ребенок ее возраста. Глаза Кэри были старыми, очень, очень старыми. Она не ждала от жизни ничего: ни любви, ни счастья, потому что все, что было у нее в жизни хорошего, у нее отняли. Она была так слаба и апатична, что казалось, вот-вот перейдет из жизни в смерть. Больно было смотреть на нее, одинокую, такую жутко одинокую с тех пор, как Кори покинул нас.

Мне было пятнадцать лет. Шел тысяча девятьсот шестидесятый год, стоял ноябрь. Я хотела всего, мне было нужно все, и я только боялась, что за всю жизнь не смогу компенсировать того, что уже потеряла. Я сидела в напряжении, готовая зарыдать, если случится еще какая-нибудь неприятность. Как пружина в бомбе с часовым механизмом, я знала, что рано или поздно взорвусь и разнесу всех, кто живет в Фоксворт-холле.

Крис накрыл мою руку своей, словно прочитав мои мысли о том, какой ад я устрою тем, кто хотел погу-

бить нас, и тихо сказал:

– Не надо, Кэти. Все будет хорошо. Переживем.

Он так и остался безнадежным оптимистом. Вопреки всему он продолжал верить, что все, что ни делается, делается к лучшему. Боже, как он мог так думать после смерти Кори? Как это могло быть к лучшему?

– Кэти, – прошептал он, – мы должны восстановить то, что потеряли, и в том числе друг друга. Мы должны принять все, что случилось с нами, и идти дальше. Мы должны верить в себя, в свой талант, и тогда мы достигнем всего, чего хотим. Только так, Кэти, только так! И все будет хорошо!

Он мечтал быть скучным степенным врачом, проводящим свои дни в тесном кабинете в окружении человеческих страданий. Я же мечтала о множестве более замечательных вещей. Я хотела, чтобы сбылись все мои заветные грезы о романтической любви и о сцене, хотела стать самой знаменитой в мире балериной, и не меньше! И тогда мама поймет...

Будь проклята, мама! Пусть Фоксворт-холл сгорит дотла! Пусть ты никогда больше не сможешь спокойно заснуть в своей огромной пуховой постели, никогда! Пусть твой молодой муж найдет себе жену моложе и красивее тебя! Пусть он сделает жизнь твою адом!

Кэрри повернулась ко мне и прошептала:

– Кэти, я плохо себя чувствую. У меня что-то с же-

лудком.

Меня охватил страх. Ее личико неестественно побледнело, ее обычно вьющиеся и блестящие волосы повисли тусклыми прямыми прядями, голос звучал не громче слабого шепота.

– Милая моя... – Я стала успокаивать и целовать ее. – Держись. Скоро мы поведем тебя к доктору. Скоро мы уже приедем во Флориду, и там нас никто и никогда не запрет.

Кэрри обмякла у меня на коленях, а я полными слез глазами уставилась в окно на гирлянды испанского мха, свидетельствующие о том, что мы уже в Южной Каролине. Нам оставалось еще проехать Джорджию. Пройдет много времени, пока мы доберемся до Сарасоты. Внезапно Кэрри судорожно дернулась, и ее начало рвало.

Во время последней остановки «на короткий перерыв» я предусмотрительно набила карманы бумажными салфетками, и сейчас мне было чем вытереть Кэрри. Я передала ее Крису, чтобы убрать с пола остальное. Крис попытался открыть окно, чтобы выбросить изгаженные салфетки, но окно, как он ни старался, не поддавалось. Кэрри начала плакать.

– Засунь их в щель между сиденьем и стенкой, – шепнул Крис.

Но должно быть, бдительный шофер автобуса сле-

дил за нами в зеркало заднего вида. Он заорал:

– Эй, вы, дети там сзади, уберите эту вонь куда-нибудь еще!

А куда, кроме наружного кармашка футляра от Крисова «Полароида», который я использовала в качестве сумочки? Пришлось вытащить все оттуда и набить его вонючими салфетками.

– Простите, – всхлипнула Кэрри, отчаянно цепляясь за Криса. – Я не хотела. Теперь они нас высадят?

– Нет, конечно нет, – в своей отеческой манере ответил ей Крис. – Меньше чем через два часа мы будем во Флориде. Постарайся потерпеть, пока не приедем. Если мы выйдем сейчас, то пропадут деньги за билеты, а мы сейчас не можем разбрасываться деньгами.

Кэрри захныкала и задрожала. Я потрогала ее лоб, он был холодным и липким, а лицо было уже не просто бледным, оно было мертвенно-белым! Как у Кори перед смертью.

Я молилась, чтобы хоть раз в жизни Бог явил нам какую-нибудь милость. Разве мы мало вынесли? Разве могут наши муки все длиться и длиться? Меня тоже затошнило, и, пока я боролась с собственной тошнотой, Кэрри опять вырвало. Я думала, что ей больше нечем. Она ослабла в руках Криса, казалось, она вот-вот потеряет сознание.

– Я думаю, она впала в шоковое состояние, – про-

шептал Крис, почти такой же бледный, как Кэрри.

Какой-то подлый бессердечный пассажир начал жаловаться, и очень громко, а сочувствующие нам пассажиры выглядели смущенными и никак не могли решить, чем нам можно помочь. Я встретилась взглядом с Крисом. В его глазах был безмолвный вопрос: что делать?

Меня охватила паника. И тогда к нам по проходу двинулась та чудовищно толстая негритянка, ободряюще улыбаясь, хотя ее мотало из стороны в сторону. Она протягивала мне бумажные пакеты, чтобы выбросить дурно пахнущие салфетки. Не говоря ни слова, она потрепала меня по плечу, потрепала Кэрри по подбородку и дала мне лоскут, который извлекла из другого своего пакета.

– Спасибо, – прошептала я, слабо улыбнувшись, и стала вытирать Кэрри, Крису и себя.

Когда я закончила с этим, она взяла у меня тряпку и швырнула в пакет с салфетками, а потом осталась стоять в проходе, словно бы защищая нас.

Полная благодарности, я улыбнулась этой невероятно толстой женщине, заполнившей весь проход своим облаченным в яркое платье телом. Она моргнула и улыбнулась мне в ответ.

– Кэти, – сказал Крис, его лицо стало еще более обеспокоенным. – Кэрри нужно везти к доктору, и по-

скорее.

– Но мы оплатили билет до Сарасоты!

– Я знаю, но положение очень опасное.

Наша благодетельница ободряюще улыбнулась и наклонилась к Кэрри, вглядываясь в ее лицо. Большая черная рука легла на влажный лоб Кэрри, черные пальцы нащупали ее пульс. Затем негритянка стала делать руками какие-то загадочные для меня жесты, и Крис объяснил:

– Должно быть, она не может говорить, Кэти, это язык глухонемых.

Я пожала плечами в знак того, что мы не понимаем ее знаков. Она на секунду нахмурилась, потом вытащила из кармана платья, которое было на ней под теплым и тяжелым красным свитером, пачку разноцветных листков бумаги, быстро написала записку и протянула ее мне. Там значилось:

Меня зовут Генриетта Бич, я слышу, но не говорю. Малышка очень, очень больна, ей нужен хороший врач.

Я прочла это и посмотрела на нее в надежде, что у нее есть еще какая-либо информация.

– А вы знаете хорошего врача? – спросила я.

Она уверенно кивнула и быстро протянула мне зеленую записку:

Ваше счастье, что я в этом автобусе: мой

мальчик – самый лучший доктор.

– Ей-богу, мы родились под счастливой звездой, если кто-нибудь направит нас именно к такому, – пробормотал Крис, когда я протянула ему записку.

– Эй, шофер! – выкрикнул самый подлый из пассажиров автобуса. – Давай эту малышку в больницу! Я, черт возьми, плачу деньги не за то, чтобы ехать в воющем автобусе!

Остальные пассажиры посмотрели на него с неодобрением, а в зеркале заднего вида я разглядела, что лицо шофера налилось краской гнева, а может быть, унижения. Наши глаза в зеркале встретились. Он затравленно воззвал ко мне:

– Сожалею, но у меня жена и пятеро детей, и если я выйду из расписания маршрута, то им будет нечего есть, потому что я потеряю работу.

Молча, одними глазами, я умоляла его, и он пробормотал себе под нос:

– Проклятые выходные! Стоит всей неделе пройти нормально, как тут наступает воскресенье, будь оно проклято!

Тут Генриетта Бич показала, что слышит она хорошо. Она опять вытащила карандаш и блокнот и стала писать. Написанное показала мне:

*О'кей, человек на водительском месте,
ненавидящий воскресенье! Давай и дальше*

не обращай внимания на маленькую больную девочку, тогда ее родители подадут на тебя в суд, и владельца автобуса оштрафуют на два миллиона!

Как только Крис ознакомился с запиской, она двинулась по проходу вперед, к водителю, и ткнула записку ему в лицо. Поначалу тот нетерпеливо отмахнулся, но она повторила попытку, и на этот раз он одним глазом прочитал записку, другим следя за движением на дороге.

– О господи, – вздохнул шофер; в зеркале мне было ясно видно его лицо. – Ближайшая больница в двадцати милях отсюда.

Мы с Крисом замороженно следили за жестами и знаками, которые делала мамонтоподобная негрятянка, в результате чего шофер стал таким же потеряннным и расстроенным, как мы. Ей пришлось написать еще одну записку, и то, что она там написала, заставило шофера вскоре свернуть с широкого шоссе на боковую дорогу, которая вела к городу с названием Клермонт. Генриетта Бич стояла за спиной шофера, очевидно указывая ему путь, и при этом успевала время от времени оборачиваться к нам, сияя ослепительной улыбкой, словно бы ободряя: все будет хорошо!

Скоро мы уже катили по тихим широким улицам,

обсаженным деревьями, кроны которых смыкались высоко над головой. Я загляделась на большие аристократические особняки с верандами и башенками, увенчанными куполами. Хотя в горной Виргинии уже раз или два выпал снег, осень еще не дотянулась своей морозной рукой до этих мест. Клены, буки, дубы и магнолии еще не сбросили листву, кое-где цвели немногие цветы.

Шофер весьма сомневался, что Генриетта Бич указывает ему путь правильно, да, честно говоря, и я тоже. В самом деле, в жилых кварталах такого уровня не строят медицинских учреждений. Но не успела я как следует забеспокоиться, как автобус, резко дернувшись, внезапно затормозил перед большим белым домом, стоящим на низком пологом холме в окружении обширных газонов и цветочных клумб.

– Дети! – обернулся к нам шофер автобуса. – Соберите манатки. А билеты или верните и получите назад деньги, или используйте до истечения срока годности!

Он быстро выскочил из автобуса, открыл его подбрюшье, где был багаж, и вытащил оттуда примерно сорок разнообразных чемоданов, пока не добрался до наших двух. Я подхватила на плечо банджо и гитару Кори, а Крис очень осторожно и нежно взял Кэрри на руки.

Словно курица своих цыплят, Генриетта Бич теснила нас по выложенной кирпичом дорожке к веранде, украшавшей фасад. Я увидела двустворчатые черные двери, на правой половине висела небольшая табличка, гласившая: «Только для больных». Совершенно очевидно, что здесь жил врач и приемная была в его собственном доме. Забыв о двух наших чемоданах, брошенных в тени у бетонной боковой дорожки, я рассматривала веранду. В белом плетеном кресле спал мужчина. Наша добрая самаритянка с широкой улыбкой приблизилась к нему и легко тронула его за плечо. Он не проснулся, она жестом велела нам подойти и представиться. Потом показала на дом и знаками дала понять, что должна идти туда, чтобы приготовить нам поесть.

Я бы предпочла, чтобы она осталась и сама объяснила ему, как и почему мы оказались в это воскресенье на его балконе. Мы с Крисом осторожно, на цыпочках двинулись к нему, и я с ужасом почувствовала себя так, словно бывала здесь раньше и знаю это место. Этот свежий воздух, этот запах роз слишком хороши для меня.

– Воскресенье, проклятое воскресенье, – шепнула я Крису. – Этому доктору может и не понравиться наш приход.

– Он врач, – возразил Крис. – И значит, привык, что у

него отнимают свободное время. Ты можешь его разбудить.

Я медленно приблизилась. Это был высокий мужчина в светло-сером костюме с белой гвоздикой в петлице. Его вытянутые длинные ноги покоились на перилах, и даже в той позе, распластанный в кресле, он выглядел элегантно. Казалось, ему так удобно и уютно, что было страшно жаль будить его и возвращать к своим обязанностям.

– Вы доктор Пол Шеффилд? – спросил Крис, прочитав имя на табличке.

Кэрри лежала у него на руках, откинув голову, с закрытыми глазами, и ее длинные золотистые волосы развевал легкий теплый ветерок. Доктор неохотно открыл глаза. Долгое мгновение он смотрел на нас, словно не веря своим глазам. Я подумала, как странно мы, должно быть, выглядим во множестве одежек, надетых одна поверх другой. Он потряс головой, словно желая сфокусировать взгляд, и открыл глаза пошире – о, что это были за прекрасные глаза, цвета лесного ореха, с голубыми, зелеными и золотистыми искорками в мягкой коричневой глубине! Эти необыкновенные глаза жадно впитывали меня и поглотили целиком. Казалось, что он то ли не вполне проснулся, то ли слегка пьян, то ли ослеплен и потому не сразу натянул на лицо маску всегдашнего профессионализ-

ма, которая не позволила бы ему переводить глаза с моего лица на грудь, потом на ноги, а потом в обратном порядке, снизу вверх, но уже медленно. И снова зачарованно вглядываться в мое лицо, мои волосы. Волосы слишком длинные, подумала я, и неумело выстрижены на макушке, а на концах тонкие и ломкие.

– Вы доктор? – требовательно повторил Крис.

– Да, конечно, я доктор Шеффилд, – наконец сказал он, переводя взгляд на Крису с Кэрри.

С удивительным изяществом и быстротой он опустил ноги с перил, вскочил, сразу сделавшись гораздо выше нас, провел длинными пальцами по густым темным волосам, подошел ближе и наклонился к побелевшему личику Кэрри. Затем большим и указательным пальцем раздвинул ей веки и мгновение рассматривал ее голубой глаз.

– Как давно ребенок без сознания?

– Несколько минут, – ответил Крис.

Он и сам был почти что врач, столько книг по медицине проштудировал, пока мы жили взаперти на чердаке.

– Кэрри трижды вырвало в автобусе, потом она начала дрожать и покрылась холодным потом. Женщина по имени Генриетта Бич привезла нас сюда, к вам.

Доктор кивнул и объяснил, что миссис Бич – его домоправительница и кухарка. Затем повел нас к двери

«только для больных», которая вела в ту часть дома, где располагались две небольшие смотровые комнаты и кабинет, по пути принося извинения за отсутствие сегодня медицинской сестры.

– Снимите с Кэрри все, кроме трусиков, – приказал он мне.

Я занялась этим, а Крис вернулся к тротуару за чемоданами.

В страшном волнении мы с Крисом, прислонясь к стене, наблюдали, как доктор меряет Кэрри давление и температуру, считает пульс, слушает сердце: сначала грудь, потом спину. Кэрри пришла в себя, и он попросил ее покашлять. А я только и могла, что удивляться, почему все плохое, что только можно себе представить, обязательно случается с нами. Почему судьба с таким постоянством против нас? Неужели мы – такое зло, как внушала нам наша бабушка? Неужели Кэрри тоже должна умереть?

– Кэрри, – ласково сказал доктор Шеффилд, когда я вновь одела ее. – Мы оставим тебя в этой комнате на некоторое время, отдохай.

Он укрыл ее тонким шерстяным одеялом.

– Не бойся. Мы будем совсем рядом, в моем кабинете. Я знаю, что на этом столе не слишком мягко, но все же постарайся заснуть, пока я буду разговаривать с твоими братом и сестрой.

Она ответила безмолвным взглядом широко открытых тусклых глаз: ей было в высшей степени безразлично, мягкий стол или жесткий.

Через несколько минут доктор Шеффилд сидел за своим огромным внушительным столом, положив локти на пачку промокательной бумаги, и говорил серьезно и проникновенно:

– Мне кажется, вы оба смущены, вам не по себе. Не бойтесь, что вы отвлекаете меня от воскресного отдыха и развлечений, – это не так. Я вдовец, и для меня воскресенье ничем не отличается от остальных дней недели.

Да, да. Он говорил это, но казался таким усталым, словно работал много долгих часов подряд. Я робко присела на краешек мягкого кожаного коричневого дивана, поближе к Крису. Солнечный свет из окон падал прямо на наши лица, лицо доктора оставалось в тени. Моя одежда навевала тоску и уныние, и я вдруг вспомнила почему. Я быстро встала, расстегнула молнию и стащила с себя верхнюю грязную юбку, не без удовольствия отметив удивление доктора. Когда я раздевала Кэрри, он вышел из комнаты, и ему не могло прийти в голову, что на мне тоже два платья поверх белья. Я снова села рядом с Крисом, теперь уже в одном платье. Оно было незапачканное, голубое, покроя «принцесс», и очень шло мне.

– Вы всегда по воскресеньям надеваете по несколько платьев? – спросил он.

– Нет, только в те воскресенья, когда совершаю побег, – ответила я. – У нас всего два чемодана, и надо было экономить место для ценных вещей, которые можно заложить потом, когда понадобятся деньги.

Крис толкнул меня локтем, давая понять, что я открываю слишком много. Но я считала, что врачам можно говорить все, он сам всегда мне это внушал. Этому врачу за столом можно было довериться, по глазам было видно. И рассказать все-все.

– Ита-ак, – протянул он, – вы трое бежали. И откуда же вы бежали? От родителей, обидевших вас отказом в некоторых удовольствиях?

Если бы он только знал!

– Это долгая история, доктор, – сказал Крис, – Сейчас нас гораздо больше интересует здоровье Кэрри.

– Да, вы правы, – согласился он. – Давайте поговорим о Кэрри. Я не знаю, кто вы, откуда и почему вы решили, что должны бежать. Но девочка очень, очень больна. Если бы не воскресенье, я сегодня же уложил бы ее в больницу на обследование, чтобы сделать те анализы, которые я не могу сделать здесь. Я предлагаю вам немедленно связаться с родителями.

Эти слова повергли меня в панику.

– Мы сироты, – сказал Крис. – Но не беспокойтесь,

что вам не заплатят. Мы можем заплатить сами.

– Хорошо, что у вас есть деньги, – сказал доктор. – Вам они понадобятся.

Он долго изучающе рассматривал нас.

– Пожалуй, двух недель в больнице будет достаточно, чтобы вскрыть тот фактор в болезни вашей сестры, который я никак не могу нащупать.

И не успели мы прийти в себя, оглушенные вестью, что Кэрри так сильно больна, он примерно подсчитал, во что нам это обойдется. И мы снова были оглушены. Господи боже! Денег из украденного кошелька не хватит даже на одну неделю, не то что на две!

Я вопросительно посмотрела в голубые глаза Криса. Что же нам делать? Мы не можем заплатить так много.

Доктор тотчас все понял.

– Так вы по-прежнему сироты? – кротко спросил он.

– Да, мы по-прежнему сироты, – вызывающе ответил Крис и сурово посмотрел на меня, желая дать мне понять, что не следует много болтать. – Однажды став сиротой, остаешься сиротой навсегда. Скажите все же, что вы подозреваете у нашей сестры и что можно сделать, чтобы ее вылечить.

– Стоп, молодой человек. Сначала ответьте на несколько вопросов. – Доктор говорил мягко, но так, что не оставалось сомнений в том, кто здесь коман-

дует парадом. – Прежде всего, как ваша фамилия?

– Меня зовут Кристофер Доллангенджер, это моя сестра Кэтрин Ли Доллангенджер, а Кэрри, верите вы или нет, восемь лет.

– Почему же мне в это не верить? – тихо сказал доктор.

Несколько минут назад в смотровом кабинете он не смог скрыть потрясения, впервые узнав о возрасте Кэрри.

– Мы понимаем, что Кэрри очень мала для своего возраста, – перешел в оборону Крис.

– Действительно, очень мала. – Произнося это, он перевел глаза на меня, потом опять на моего брата, подался вперед и дружески и доверительно положил подбородок на скрещенные руки.

Я напряглась в ожидании.

– Послушайте. Давайте перестанем бояться друг друга. Я врач, и все, что вы мне доверите, останется строго между нами. Если вы действительно хотите помочь вашей сестре, нечего сидеть здесь и придумывать одну ложь за другой. Вы должны рассказать мне правду, в противном случае вы зря отнимаете у меня время и рискуете жизнью Кэрри.

Мы молчали, держась за руки и касаясь друг друга плечами. Я почувствовала вдруг, что Крис дрожит, и его дрожь передалась мне. Мы были так измучены,

так чудовищно измучены, чтобы рассказать всю правду, – да и кто нам поверит? Мы уже доверились однажды людям, по общему мнению весьма уважаемым, и как после этого мы можем снова кому-то довериться? И все же этот человек за столом... Он казался мне таким знакомым, словно я видела его когда-то раньше.

– Ладно, – сказал он. – Если это трудно, я задам вам еще несколько вопросов. Скажите, когда и что вы трое в последний раз ели?

Крис облегченно вздохнул:

– В последний раз мы ели сегодня ранним утром. Это был завтрак, все мы ели одно и то же: хот-дог со всеми делами, с жареной картошкой и кетчупом, а потом шоколадный коктейль. Кэрри съела совсем немного. Она очень разборчива в пище, чтобы не сказать больше. Пожалуй, у нее никогда не было хорошего аппетита.

Нахмурившись, доктор что-то записал.

– Значит, вы, все трое, ели на завтрак абсолютно одно и то же? А вырвало одну только Кэрри?

– Да. Только Кэрри.

– И часто Кэрри рвет?

– Не часто. Время от времени.

– Что значит время от времени?

– Ну, – медленно произнес Крис, – на прошлой неделе дважды, а за последний месяц раз пять. Это

очень беспокоит меня: чем чаще приступы, тем они сильнее.

О, как меня злила эта уклончивая манера, в которой Крис рассказывал о Кэрри! Он защищает нашу мамочку даже сейчас, после всего, что она сделала! Должно быть, все это отразилось на моем лице, потому что доктор обратился ко мне, словно бы понимая, что от меня он услышит больше.

– Послушайте, вы пришли ко мне за помощью, и я жажду сделать все, что в моих силах, но ведь вы не даете мне возможности помочь, я не знаю всех фактов. Если у Кэрри что-то болит внутри, я ведь не могу залезть ей внутрь и посмотреть, где болит, она должна мне об этом сказать или это должны сделать вы. Чтобы работать, мне нужна информация, максимально полная информация. Я уже знаю, что Кэрри чрезвычайно плохо питалась, истощена и недоразвита для своего возраста. Я вижу, что у вас у всех расширены зрачки и все вы бледны, тощи и слабы. И я не понимаю, почему вы стеснены в деньгах, ведь на вас, кажется, очень дорогие часы, и одежда на вас подобрана со вкусом и тоже довольно дорогая, хотя почему она так плохо сидит, это выше моего разума. И вот вы сидите здесь со своими золотыми часами с бриллиантами, в дорогой одежде и дрянных резиновых тапках, и выдаете мне какую-то полуправду!

Его голос становился все громче, все сильнее.

– У вашей младшей сестры опасная стадия анемии, кроме того, анемия делает ее подверженной мириаду различных инфекций. У нее опасно низкое давление. И еще присутствует какой-то неуловимый фактор, который я никак не могу нащупать. Поэтому завтра Кэри будет отправлена в больницу, вне зависимости от того, позвоните ли вы родителям, сможете ли вы заложить часы в уплату за ее жизнь. Далее. Если мы отправим ее в больницу сегодня вечером, анализы можно будет начать прямо завтра с утра.

– Делайте все, что сочтете нужным, – уныло сказал Крис.

– Подождите! – закричала я, вскочив с дивана, и резко шагнула к столу. – Брат не все вам рассказал!

Через плечо я бросила безжалостный взгляд на Криса. Он испепеляюще смотрел на меня, желая запретить говорить всю правду. Я с горечью подумала: «Не волнуйся, я постараюсь оберечь нашу драгоценную мамочку, насколько смогу!» Наверное, Крис понял, потому что на его глазах показались слезы. Сколько зла сделала ему эта женщина, сколько вреда принесла она всем нам, и он все равно плачет о ней! Его слезы вызвали слезы и в моем сердце, но не по ней, а по нем, который так ее любит, и по мне – я так люблю его. Я оплакивала все, что нам пришлось вы-

нести и выстрадать.

Он кивнул, словно говоря: «Ладно, продолжай», и я начала рассказывать историю, которая доктору должна была показаться совершенно неправдоподобной. Сначала мне казалось, что он думает, будто я лгу или, по крайней мере, преувеличиваю. Но почему же тогда газеты каждый день печатают ужасные истории о том, что делают со своими детьми заботливые и любящие родители?

– И вот, когда папа погиб в автокатастрофе, мама пришла и сказала, что она кругом в долгах и не может заработать на жизнь нам пятерым. И она стала писать письма своим родителям в Виргинию. Сначала они не отвечали, но в один прекрасный день пришло письмо. Она рассказала, что ее родители в Виргинии живут в прекрасном богатом доме, что они весьма состоятельные люди, но, поскольку она вышла замуж за своего дядю, ее лишили наследства. И теперь мы должны потерять все, чем владели. Поэтому нам пришлось оставить велосипеды в гараже, и она даже не дала нам времени попрощаться с друзьями! И в тот же вечер мы сели на поезд, направлявшийся к горной цепи Блу-Ридж. Мы были не прочь пожить в прекрасном богатом доме, но немного боялись встречи с дедом: его считали жестоким человеком. Мама предложила нам спрятаться, пока она не вернет его расположе-

ние. Мама сказала, что всего на одну ночь, ну, может быть, на две, ну на три, а потом мы спустимся вниз и познакомимся с дедушкой. У него было больное сердце, поэтому он никогда не поднимался по лестнице, так что наверху мы в полной безопасности, пока не слишком шумим. Бабушка отвела нас на чердак поиграть. Чердак был огромный и ужасный, грязный, полный пауков, мышей и насекомых. И там мы играли и мирились с этим, пока мама возвращала себе доброе расположение своего отца, в надежде, что скоро спустимся вниз и будем наслаждаться радостями жизни богатых детей. Но скоро мы узнали, что дедушка отнюдь не собирается прощать маму за то, что она вышла замуж за его сводного брата, и что мы навсегда останемся «дьяволовым отродьем». И что мы должны жить наверху, пока он не умрет.

Несмотря на выражение недоверия в глазах доктора, приносившее мне боль, я продолжала:

– И, словно мало было нам быть запертыми всем в одной комнате с выходом на чердак, мы скоро поняли, что бабушка тоже ненавидит нас. Она принесла длинный список того, что нельзя делать. Нам запрещалось выглядывать из окон и даже приподнимать тяжелые шторы, чтобы впустить хоть немного дневного света. Сначала еда, которую бабушка приносила нам наверх в корзинке для пикников, была довольно хоро-

ша, но постепенно делалась все хуже и хуже, и в конце концов нас кормили только бутербродами, картофельным салатом и жареными цыплятами. Никаких десертов, от них портятся зубы, а к зубному нас вести нельзя. Конечно, когда приходили наши дни рождения, мама тайком приносила нам мороженое и магазинный торт и много-много подарков. О, будьте уверены, она покупала нам все, словно взамен того, что отняла у нас! Как будто книги, игры и игрушки могут заменить то, что мы потеряли, – здоровье и веру в себя. И что хуже всего, мы стали терять веру в нее! Прошел еще год, и в то лето мама даже не навестила нас! Лишь в октябре она появилась и сказала, что вышла замуж во второй раз, а лето провела в свадебном путешествии по Европе! Я чуть не убила ее! Неужели нельзя было нам об этом сказать, она ведь уехала без единого слова объяснений! Она привезла дорогие подарки, одежду не тех размеров, и думала, что больше нам ничего не нужно, что это заменяет все, а это не заменяло ничего! Наконец я смогла убедить Криса, что мы должны найти способ бежать из этого дома и навсегда забыть о наследстве. Он не хотел, потому что думал, что когда-нибудь дедушка умрет и тогда он поступит в колледж, а потом в медицинскую школу, чтобы стать врачом, как вы...

– Врачом, как я, – с непонятым вздохом произнес

доктор Шеффилд.

Его глаза смягчились, в них теперь было не только понимание, но и еще что-то.

– Это странная история, Кэти, в нее трудно поверить.

– Подождите! – закричала я. – Я еще не закончила. Я еще не сказала вам самого страшного! Дедушка умер, и завещание было составлено в пользу мамы: она наследовала его огромное состояние, но он добавил условие, которое гласило, что она не должна иметь детей. Если вдруг окажется, что она дала рождение детям от своего первого мужа, она лишается наследства и всего имущества, купленного на унаследованные деньги!

Я остановилась и посмотрела на Криса, который сидел бледный и ослабевший, умоляюще глядя на меня затравленными измученными глазами. Он напрасно волновался: я не собиралась рассказывать о Кори. Я снова обратилась к доктору:

– Теперь о таинственном неуловимом факторе, который вы никак не можете нащупать, о том, отчего тошнит Кэрри да и нас тоже порой. На самом деле это очень просто. Видите ли, когда наша мать поняла, что никогда не сможет нас признать, не лишившись при этом наследства, она решила от нас избавиться. Бабушка стала добавлять в корзинку пончики, обсыпан-

ные сахарной пудрой. И мы их очень охотно ели, не зная, что они отравлены мышьяком.

Итак, я сказала это.

– Отравленные пончики, чтобы подсластить нам тюремные дни, когда мы лишь тайком выбирались из нашей комнаты с помощью деревянного ключа, выточенного Крисом. Девять месяцев умирая медленной смертью, раз за разом мы прокрадывались в необъятные апартаменты нашей матери и утаскивали все однодолларовые и пятидолларовые купюры, что могли найти. В этом помещении, доктор, мы прожили три года, четыре месяца и шестнадцать дней.

Я закончила свою длинную повесть. Доктор сидел неподвижно, и во взгляде его мешались потрясение, сочувствие и симпатия.

– Теперь вы понимаете, доктор, – сказала я напоследок, – что не нужно заставлять нас обращаться в полицию и рассказывать все это. Они посадят нашу мать и бабушку в тюрьму, но и мы тоже пострадаем! Не только от широкой огласки, но и оттого, что нас разлучат. Нас разбросают по воспитательным домам, а мы хотим всегда быть вместе!

Крис уставился в пол и, не поднимая глаз, заговорил:

– Позаботьтесь о нашей сестре! Сделайте все, что нужно, чтобы она выздоровела, а мы с Кэти найдем

способ отдать вам долг!

– Постой, Крис, – мягко и терпеливо сказал доктор. – Вас с Кэти тоже кормили мышьяком, и вам нужно пройти большинство тех же анализов, что я назначил Кэрри. Посмотри, вы оба худы, бледны, слабы. Вам необходимо усиленное питание, отдых и много свежего воздуха и солнечного света. Может быть, я смогу чем-то вам помочь.

– Вы чужой нам, сэр, – почтительно сказал Крис, – мы не ожидаем ничьей помощи и не нуждаемся ни в чьей жалости или благотворительности. Мы с Кэти не столь уж слабы и больны. Кэрри пострадала больше всех.

Полная негодования, я резко повернулась к Крису, свирепо глядя на него. Мы были бы полными дураками, отказываясь от помощи этого доброго человека, якобы не в силах поступиться гордостью, словно наша гордость до этого никогда не страдала! Так какая разница, немного больше или немного меньше!

– Да, – продолжал доктор так, как будто мы с Крисом оба согласились принять от него помощь. – Плата за амбулаторного больного гораздо ниже, чем за стационарного, не нужно оплачивать помещение и стол. Послушайте, это только предложение, которое вы вольны отвергнуть и продолжать ваше путешествие куда бы то ни было, а кстати, куда вы направ-

лялись?

– В Сарасоту, Флорида, – тихо сказал Крис. – Мы с Кэти любили раскачиваться на канатах, привязанных к чердачным балкам, и она думала, что мы сможем стать воздушными гимнастами, немного потренировавшись.

Это прозвучало ужасно глупо. Я подумала, что доктор станет смеяться, но нет, наоборот, он стал еще печальнее.

– Честно говоря, Крис, мне отвратительна мысль, что вы с Кэти будете так глупо рисковать своей жизнью, и как врач я не могу разрешить вам ехать дальше. Моя профессиональная да и просто личная этика запрещает мне отпускать вас без осмотра и лечения. Здравый же смысл подсказывает держаться на расстоянии и не слишком брать в голову то, что случилось с тремя детьми, судя по их словам. Потому что эта леденящая кровь история может оказаться чистым враньем, чтобы вызвать мое сочувствие. – Он доброжелательно улыбнулся, чтобы смягчить свои слова. – Однако интуиция подсказывает мне, что ваша история правдива. Ваша дорогая одежда, ваши часы и драные тапки на ногах, ваша бледность и затравленный взгляд – все это подтверждает вашу историю.

Какой у него был голос: завораживающий, мягкий,

мелодичный, с едва заметным южным акцентом.

– Давайте забудем о гордости и благотворительности, поживите в моем доме, здесь двенадцать пустых комнат. Должно быть, Бог привел Генриетту Бич в этот автобус, чтобы вы оказались у меня. Хенни чрезвычайно трудолюбива и содержит дом без единого пятнышка, но постоянно жалуется, что двенадцать комнат и четыре ванны на одну женщину многовато. Еще за домом у меня четыре акра сада. Я нанимаю двух садовников: сам я не могу уделить саду достаточно времени. – Он посмотрел прямо на Криса. – Вы могли бы оплатить свое пребывание здесь стрижкой газонов, починкой изгородей и подготовкой сада к зиме. Кэти могла бы помогать по дому.

Он бросил на меня дразняще-вопросительный взгляд и подмигнул:

– Ты умеешь готовить?

Готовить? Он что, смеется? Мы больше трех лет были заперты на чердаке, и у нас не было даже тостера, чтобы поджарить хлеб, не было ни масла, ни даже маргарина!

– Нет! – огрызнулась я. – Я не умею готовить. Я танцовщица. И когда я стану знаменитой прима-балериной, я найму женщину, которая будет мне готовить, как вам. Я не хочу быть привязанной к кухне какого-то ни было мужчины, мыть ему тарелки, кормить его по ча-

сам и рожать ему детей! Это не для меня!

– Я понимаю, – невозмутимо кивнул он.

– Я не хочу показаться неблагодарной. Я не то имею в виду, – объяснила я. – Я буду делать все, что нужно, чтобы помочь миссис Бич. Ради нее я даже научусь готовить. И ради вас.

– Отлично, – сказал он. Его глаза заискрились смехом, он уперся пальцем в подбородок и улыбнулся. – Ты собираешься стать прима-балериной, Крис собирается стать знаменитым врачом, а достичь этого вы хотите, сбежав во Флориду, чтобы выступать в цирке. Конечно, я принадлежу к другому, скучному поколению, но я не понимаю ваших резонов. Благоразумно ли это?

Сейчас, когда мы уже не были заперты на чердаке, в безжалостном свете реальности это отнюдь не казалось мне благоразумным. Сейчас это выглядело как полная глупость, ребячество и совершенное безумие.

– Вы отдаете себе отчет в том, что вам пришлось бы конкурировать с профессионалами? С людьми, которые занимались этим с раннего детства, с потомками знаменитых династий цирковых артистов? Это очень непросто. Однако, я согласен, есть в ваших голубых глазах что-то такое, что заставляет меня считать вас весьма решительными молодыми людьми, которые в конце концов всегда достигают того, чего

им очень сильно хочется. Но как быть со школой? Как быть с Кэрри? Что она будет делать, пока вы оба болтаетесь на трапециях? Вы можете не трудиться отвечать, – быстро произнес доктор, увидев, что мои губы приоткрылись. – Я не сомневаюсь, что вы придумаете что-нибудь, чтобы постараться убедить меня, но я все равно буду отговаривать вас. Сначала вы должны заняться своим здоровьем и здоровьем Кэрри. В любой момент каждый из вас может внезапно заболеть так же сильно, как Кэрри сейчас. В конце концов, вы все трое жили в одинаково чудовищных условиях.

«Четверо, а не трое», – стучало у меня в мозгу, но я не сказала ни слова о Кори.

– Если вы хотите сказать, что приютите нас, пока Кэрри не выздоровеет, – сказал Крис с подозрительным блеском в глазах, – то мы чрезвычайно благодарны вам. Мы будем очень стараться, а когда сможем уехать, выплатим вам все до последнего цента.

– Я хочу сказать именно это. И вам ничего не придется выплачивать, только работать по дому и в саду. То есть вы видите, что речь идет не о жалости и не о благотворительности, а исключительно о деловом соглашении, выгодном для обеих сторон.

Новый дом

Вот так это началось. Мы тихо поселились в доме доктора и в его жизни. Мы покорили его, теперь я это понимаю. Мы стали необходимы ему, словно до нас он и не жил по-настоящему. Теперь я и это понимаю. Он вел себя так, как будто мы осчастливили его, оживив его скучную одинокую жизнь присутствием нашей юности. Он заставил нас поверить, что это мы благотельно осветили его жизнь, и мы очень хотели в это верить.

Нам с Кэрри доктор предоставил большую спальню с двумя кроватями, четыре высоких окна выходили на юг, два – на восток. Мы с Крисом смотрели друг на друга с тайной болью: впервые за долгое время нам предстояло спать в разных комнатах. Я не хотела разлучаться с ним и оставаться на ночь с одной только Кэрри, без его защиты. Мне показалось, доктор почувствовал, что он лишний, потому что он, извинившись, направился к дверям холла. Только тогда Крис заговорил:

– Мы должны быть очень осторожны, Кэти. Нельзя, чтобы он заподозрил.

– Подозревать нечего. Все кончено, – ответила я, не глядя ему в глаза, втайне надеясь даже теперь, что

это никогда не кончится.

О, мама, посмотри, что ты наделала, заперев нас четверых в одной комнате и оставив там взрослеть! Ты же знала, чем это кончается!

– Нет, – прошептал Крис. – Поцелуй меня, спокойной ночи, и пусть тебя не кусают клопы.

Он поцеловал меня, я поцеловала его, и все. Со слезами на глазах я смотрела, как мой брат спускается в холл, не сводя с меня глаз.

В нашей комнате Кэрри устроила дикий рев.

– Я не могу спать ни на какой узкой кровати одна! – вопила она. – Я упаду! Кэти, почему эта кровать такая узкая?

Это кончилось тем, что Крис и доктор вернулись, убрали тумбочку, разделявшую две наши кровати, и сдвинули их так, что получилось одно широкое ложе. Это чрезвычайно обрадовало Кэрри. Но день за днем щель между кроватями расширялась, и однажды я проснулась оттого, что одной рукой и одной ногой провалилась в щель, а Кэрри уже и вовсе была на полу.

Мне нравилась комната, в которой Пол нас поселил: бледно-голубые обои, шторы в тон, голубой ковер. У каждой из нас было по креслу с лимонно-желтыми подушками, мебель была белая, в античном стиле. Такую комнату хочется иметь каждой девушке. Ничего мрачного, никаких картин с изображением преис-

подней на стенах. Ад был во мне, он возникал, когда я слишком часто вспоминала о недавнем прошлом. Если бы мама захотела, она смогла бы найти другое решение! «Она не должна была запирать нас! Проклятая судьба! Это все жадность, скупость. И Кори в могиле из-за ее слабости!»

– Забудь об этом, Кэти, – сказал Крис, когда мы опять прощались на ночь.

Я ужасно боялась рассказать ему о своих подозрениях. Склонив голову к нему на грудь, я прошептала:

– Крис, то, что мы делали, – очень большой грех, да?

– Больше этого не случится, – сурово сказал он, вырвался и почти бегом устремился вниз, в холл, словно боялся, что я побегу за ним.

Я очень хотела вести праведную жизнь и никого не обижать, особенно Криса. И вот около полуночи я выбралась из постели и пошла к нему. Он спал, и я прилегла на кровать рядом с ним. Его разбудил скрип пружин.

– Кэти, какого черта ты тут делаешь?

– На улице дождь, – прошептала я. – Можно, я полежу с тобой немножко, я скоро уйду...

Мы не двигались и почти не дышали. И вдруг, даже не понимая, как это произошло, мы оказались в объятиях друг друга, и Крис стал меня целовать. Целовать

с такой пылкой страстью, что я ответила ему, сама того не желая. Это было дурно, это был грех! Но на самом деле я не хотела, чтобы он прекратил. Женщина, что спала во мне, вдруг проснулась и приняла его, желая того же, чего желал он. Но другая, мыслящая и контролирующая часть моей природы оттолкнула его.

– Что ты делаешь? Мне кажется, ты сказал, что больше этого не случится.

– Но ты же пришла, – грубо сказал он.

– Но не для этого!

– По-твоему, я железный? Кэти, не приходи так больше.

Я ушла от него и плакала в своей постели, потому что он не здесь со мной, а внизу, и некому будет разбудить меня от кошмара, и некому меня утешить, и не на кого мне опереться. Потом я вспомнила слова матери, и меня пронзила страшная мысль: неужели я так похожа на нее? Неужели я стану такой же слабой, словно оплетающая твердый ствол лоза, самкой, вечно нуждающейся в защите мужчины? Ну нет! Я самостоятельна!

Кажется, на следующий день доктор Пол принес мне четыре картины. На них были балерины в четырех разных позициях. Для Кэрри он принес вазу молочно-белого стекла с искусно сделанными пластиковыми фиалками. Он уже знал о страсти Кэрри ко все-

му фиолетовому и красному.

– Делайте все, что хотите, чтобы ощутить эту комнату своей, – сказал он нам. – Если вам не нравится цветовая гамма, весной поменяем.

Я посмотрела на него. Когда настанет весна, нас здесь не будет. Кэрри сидела, вцепившись в свою вазу с искусственными фиалками, и я заставила себя заговорить.

– Доктор Пол, весной нас здесь уже не будет, и мы не должны позволять себе слишком уж хозяйничать в ваших комнатах.

Он был уже в дверях, но остановился и обернулся ко мне. Он был высок, наверное, шесть футов два дюйма или выше, широкие плечи почти заполнили дверной проем.

– Мне казалось, что вам здесь нравится, – задумчиво сказал он, и его темные глаза заполнила тоска.

– Мне здесь нравится! – быстро ответила я. – Нам всем здесь нравится, но мы не можем вечно пользоваться вашей добротой.

Он не ответил, просто кивнул и ушел, а я обернулась к Кэрри и обнаружила, что она смотрит на меня весьма враждебно.

Каждый день доктор брал Кэрри с собой в больницу. Поначалу она ревела и соглашалась идти только при условии, что я тоже пойду. Она сочиняла фанта-

стические истории о том, что с ней делали в больнице, и жаловалась на громадное количество вопросов, которые ей там задавали.

– Кэрри, мы никогда не лжем, ты знаешь. Мы трое всегда говорим друг другу правду, но совершенно необязательно рассказывать всем и каждому о нашей прошлой жизни на чердаке, понимаешь?

Она посмотрела на меня огромными, больными глазами.

– Я никому не говорила, что Кори ушел от нас на небо. Я никому этого не говорила, кроме доктора Пола.

– А ему ты сказала?

– Кэти, я ничего не могла поделать, – и Кэрри, заплавав, уронила голову на подушку.

Так доктор узнал о Кори. Как печальны были его глаза в тот вечер, когда он расспрашивал нас с Крисом, желая знать все детали болезни Кори, что привела его к смерти!

Мы с Крисом едва не свалились с дивана в гостиной, когда Пол объявил:

– Я счастлив сообщить, что мышьяк не причинил непоправимого вреда ни одному из внутренних органов Кэрри, как мы того боялись. Не смотрите на меня такими глазами. Я не открыл вашей тайны, но должен был объяснить лаборантам, что следует искать. Я со-

чинил какую-то историю о том, что вы выпили яд случайно, что ваши родители были моими добрыми друзьями и я собираюсь оформить над вами опеку.

– Кэрри будет жить? – прошептала я с громадным облегчением.

– Да, будет, если только не поедет неведомо куда болтаться на трапедиях, – улыбнулся он. – Я назначил вам двоим завтра осмотр у меня, если, конечно, у вас нет возражений.

О, у меня были возражения! Я не слишком-то жаждала перед ним раздеться и чтобы он меня ощупывал, даже и в присутствии медсестры. Крис говорил, что глупо думать, будто сорокалетний врач может испытывать эротическое удовольствие от осмотра девочек моего возраста. Но, сказав это, он изменился в лице, поэтому вряд ли можно с уверенностью сказать, что он на самом деле думал. Возможно, Крис был прав, потому что, когда я лежала на смотровом столе, обнаженная, прикрытая только простыней, доктор Пол казался совсем другим человеком, не тем, чьи глаза неотступно следовали за мной, когда мы были в жилой половине дома. Он проделывал со мной все то же самое, что и с Кэрри, только задавал гораздо больше вопросов.

– Менструации не было больше двух месяцев?

– У меня вообще нерегулярный цикл, честное сло-

во! С двенадцати лет, когда все началось, у меня дважды были задержки от трех до шести месяцев. Я начала беспокоиться, но Крис прочел в одной из своих книг по медицине, которые мама дарила ему в большом количестве, что слишком много волнений или сильный стресс могут быть причиной неполадок с месячными. Вы же не думаете... То есть я хочу сказать, я ведь не больна ничем, правда?

– Я и не говорю, что больна, все относительно в норме. Но слишком худая, бледная, немного анемична. То же можно сказать и о Крисе, но в меньшей степени. Я пропишу вам всем специальные витамины.

Когда осмотр был закончен, я была рада снова одеться и уйти из кабинета от очень странного взгляда медсестры, работавшей у доктора Пола.

Я вприпрыжку вернулась на кухню. Миссис Бич готовила обед. Когда я вошла, широкая белозубая улыбка засияла на ее луноподобном лице, блестящем, словно новая калоша. Я ни у кого не видела таких белых, таких прекрасных зубов!

– Господи, как я рада, что все позади! – сказала я, падая на стул и хватая нож, чтобы чистить картофель. – Я не люблю, когда меня ощупывает врач. Мне больше нравится доктор Пол, когда он просто человек. Когда он надевает этот длинный белый халат, его глаза становятся совершенно непроницаемыми, и я

не понимаю, что он на самом деле думает. А я хорошо читаю по глазам, миссис Бич.

Она захихикала, дразня меня, и вытащила из громадного квадратного кармана своего белого накрахмаленного передника розовый блокнот. В этом переднике она напоминала эдакую бабулю-чайник, с походкой вперевалку, вечно молчаливую. Теперь я знала, что у нее врожденный дефект речи. Хотя она пыталась обучить Криса, Кэрри и меня языку глухонемых, никто из нас еще не овладел им настолько, чтобы поддерживать быстрый разговор. Кроме того, я страшно любила записки Генриетты, которые она писала быстрым почерком со всей возможной краткостью. «Доктор сказал, – писала она, – молодым людям нужно много овощей и фруктов, много нежирного мяса, но поменьше углеводов, крахмала и десертов. Он хочет, чтобы у вас были мускулы, а не жир».

За две недели роскошной кормежки миссис Бич мы уже заметно прибавили в весе, даже Кэрри, обычно ужасно капризная. Теперь она ела с энтузиазмом, что не замедлило сказаться на ней. А пока я чистила картошку, миссис Бич, отчаявшись объясниться со мной жестами, написала еще одну записку: «Милое дитя, отныне зови меня просто Хенни. Не миссис Бич».

До встречи с ней я не знала ни одного негра, и хотя поначалу я ее побаивалась и чувствовала себя ско-

ванно в ее присутствии, две недели близкого общения с ней многому меня научили. Она была человеком другой расы, с другим цветом кожи, но с такими же чувствами, с такими же надеждами и страхами, что и мы.

Я полюбила Хенни, ее широкую улыбку, ее свободные цветастые платья, цветы на которых цвели буйно и ярко, но больше всего я любила мудрость, исходившую от маленьких разноцветных листков ее блокнота. Постепенно я освоила язык ее знаков, хотя и хуже, чем ее «сыночек-доктор».

Пол Скотт Шеффилд был странный человек. Он часто бывал печален без видимой причины. И тогда повторял: «Да, Бог возлюбил Хенни и меня в тот день, когда посадил вас троих в тот автобус, Я потерял одну семью и очень тосковал, но судьба была так добра, что посылает мне другую, готовую семью».

– Крис, – сказала я в тот вечер, когда мы, как всегда неохотно, расставались на ночь, – когда мы жили на чердаке, ты был мужчина, глава семейства. Иногда мне так странно, что доктор Пол наблюдает за тем, что мы делаем, слушает, что мы говорим.

Он покраснел.

– Я понимаю. Он занял мое место. Честно говоря, – он помедлил и залился краской еще сильнее, – я не хочу, чтобы он заменил меня в твоей жизни, но я бла-

годарен ему за все, что он сделал для Кэрри.

Иногда мама казалась в тысячу раз хуже по сравнению с доктором, с тем, что он делал для нас. В десять тысяч раз хуже!

На следующий день Крису исполнилось восемнадцать лет, и, хотя сама я об этом не забыла, меня удивило, что доктор устроил вечеринку по этому поводу. Было много прекрасных подарков, заставивших заблестеть глаза Криса, но скоро их омрачило чувство вины, которое и я тоже разделяла. Ведь мы уже почти все решили, уже детально обсудили, как скоро уедем. Мы не могли больше оставаться здесь, пользуясь добротой доктора Пола, да и Кэрри уже достаточно здорова, чтобы продолжать путь.

После праздника мы с Крисом сидели на задней веранде, в сотый раз обсуждая все это. По его лицу я поняла, что ему не хочется уезжать от одного-единственного человека, который мог бы и хотел помочь ему достичь заветной цели – стать врачом – и который наверняка будет этим заниматься.

– Мне не нравится, как он на тебя смотрит, Кэти. Его глаза прикованы к тебе почти все время. Ты всегда здесь, всегда рядом, а для мужчин его возраста девушки твоих лет просто неотразимы.

В самом деле? Как славно узнать об этом.

– Но вокруг врачей всегда множество хороших

медсестер, весьма доступных, – фальшивым голосом сказала я, понимая, что не помочь Крису в достижении его цели значит почти убить его. – Вспомни первый день здесь, когда мы только что приехали. Он говорил о конкуренции, с которой мы столкнемся в цирке. Крис, он прав. Мы не сможем работать в цирке, это глупые мечты.

Нахмурившись, он смотрел в пространство.

– Я все понимаю.

– Крис, он же совсем одинок. Может быть, он смотрит на меня только потому, что просто не на что больше посмотреть, нет ничего интереснее, чем я.

Но как приятно узнать, что сорокалетние мужчины питают слабость к пятнадцатилетним девочкам! Как славно завоевывать их той силой, какой была наделена моя мать!

– Крис, а если доктор Пол говорит правду, я имею в виду, если он действительно хочет нас, ты бы остался?

Нахмурившись, он изучал живую изгородь, которую недавно стриг. После долгого раздумья медленно заговорил:

– Давай устроим ему проверку. Если мы скажем ему, что уезжаем, а он не сделает ничего, чтобы остановить нас, то тогда это вежливый способ дать нам понять, что на самом деле он не хочет, чтобы мы оста-

лись с ним.

– Ты думаешь, это честно – устраивать ему такую проверку?

– Да. Мы дадим ему возможность избавиться от нас и не испытывать при этом чувства вины. Знаешь, такие люди, как он, часто творят добро, потому что так должно, а не потому, что им этого действительно хочется.

– Ох.

Не мы одни размышляли и колебались. На следующий день после обеда Пол пришел к нам на заднюю веранду. Пол. Мысленно я называла его именно так, все больше и больше привыкая к этому элегантному, чистому, красивому человеку, который сидел в своем любимом белом плетеном кресле, медленно попыхи-вая сигаретой, в красном свитере крупной вязки и серых брюках. Мы тоже были в свитерах: вечер был прохладный. Крис присел рядом со мной на перила, Кэри устроилась на верхней ступеньке.

Сад у Пола был сказочный. Пологие мраморные ступени спускались вниз, и через несколько футов другие ступени поднимали вас на уровень выше. Через небольшой ручей был перекинут лакированный японский мостик. Там и сям в кажущемся беспорядке были разбросаны статуи обнаженных мужчин и женщин, пронизывая атмосферу этого сада всепроника-

ющей чувственностью, придавая ей что-то неуловимо соблазнительное. Это были классические статуи, полные грации, в красивых позах. Я поняла, что это за сад. Это был сад из моих прежних снов.

Ветер усилился и стал холоднее, он поднимал сухие листья, крутил их в воздухе, а доктор рассказывал нам, что раз в два года он ездит за границу на поиски прекрасных мраморных статуй, чтобы перевезти их через океан и присоединить к своей коллекции. В прошлую поездку ему особенно повезло: он вернулся с вполовину уменьшенной копией роденовского «Поцелуя».

Я вздохнула вместе с ветром. Я не хотела уезжать. Мне нравилось здесь с ним, с Хенни и с этим садом, который совершенно заморозил меня, внушая каким-то образом, что я очаровательна, прелестна, желанна.

– Все мои розы уже старые, их потомки не дают устойчивого аромата, – говорил доктор Пол. – А зачем вообще нужны розы, если они не пахнут?

В затухающем жемчужном свете уходящего дня его блестящие глаза встретились с моими. Мой пульс участился, я опять вздохнула. Интересно, какая у него была жена и как это быть любимой таким, как он? Я виновато отвела глаза, чтобы он не прочитал моих мыслей.

– Ты чем-то обеспокоена, Кэти? Чем?

Его вопрос застал меня врасплох, словно он уже знал все мои тайны. Крис повернул голову и предостерегающе на меня посмотрел.

– Это просто ваш красный свитер, – глупо ответила я. – Его Хенни вам связала?

Он слегка хихикнул и посмотрел вниз, на свой красивый свитер.

– Нет, не Хенни. Его связала мне на день рождения моя старшая сестра и прислала в посылке. Она живет на другом конце города.

– А почему ваша сестра послала вам подарок посылкой, а не просто принесла? – спросила я. – И почему вы не сказали нам про свой день рождения? Мы бы тоже подарили вам что-нибудь.

– Ну, – начал он, устраиваясь поудобнее и закидывая ногу на ногу. – День моего рождения прошел незадолго до того, как вы сюда приехали. Мне исполнилось сорок – на тот случай, если Хенни вам еще не сказала. Тринадцать лет назад я овдовел, и моя сестра Аманда не разговаривает со мной с того самого дня, когда моя жена и маленький сын погибли в катастрофе.

Его голос упал; взгляд, мрачный и отрешенный, блуждал в пространстве.

Палые листья катились по газону, ложились на сту-

пени, словно сухие коричневые утята. Все это напомнило мне одну запретную ночь, когда мы с Крисом так страстно молились, прижавшись друг к другу, на холодной скользкой крыше под луной, которая смотрела на нас, как нахмуренный глаз Господа. Чем можно искупить тот страшный грех? И можно ли? Бабушка бы, конечно, быстро сказала: «Нет! Вы достойны самого страшного наказания! Дьяволово отродье, я всегда это говорила!..»

Я сидела, не в силах справиться с воспоминанием, и вдруг Крис заговорил:

– Доктор, мы с Кэти обсудили все и решили, что теперь, когда Кэрри выздоровела, нам нужно уезжать. Мы глубоко признательны вам за все, что вы для нас сделали, и мы непременно возвратим вам все до цента, пусть на это и уйдет несколько лет.

Он крепко стиснул мои пальцы, чтобы я не сказала лишнего.

– Подожди, Крис, – перебил его доктор, выпрямляясь в кресле и прочно ставя обе свои ноги на землю. Без сомнения, он собирался говорить серьезно. – Не думайте, что я этого не предвидел. Я каждое утро просыпаюсь в холодном поту от страха, что вы уже уехали и я вас больше не увижу. Я искал законный способ взять вас под мою опеку и обнаружил, что это не так сложно, как я думал. Похоже, почти все сбежавшие

дети говорят, что они сироты, так что мне нужны доказательства того, что отец ваш действительно умер. Если же он жив, я должен добиться его согласия, а также согласия вашей матери.

Я задохнулась. Согласия нашей матери? Значит, мы должны снова увидеть ее! Я не хочу ее видеть! Никогда!

Заметив мое волнение, он мягко посмотрел на меня и продолжил:

– Суд вызовет вашу мать присутствовать на слушании дела. Если бы она жила в этом же штате, ее бы заставили явиться в трехдневный срок, но, поскольку она живет в Виргинии, ей предоставят три недели. И если она не возражает, то вместо временной опеки над вами я получу право на постоянную опеку, но только в том случае, если вы дадите согласие на это и подтвердите, что я опекал вас хорошо.

– Вы прекрасно нас опекали! – выкрикнула я. – Но она не приедет! Она хочет, чтобы о нас никто не знал. А если мир узнает о нас, то она потеряет все свои деньги! И может быть, ее муж от нее отвернется, когда узнает, что она скрыла от него наше существование. Могу поспорить на что угодно, что, если вы решитесь добиваться постоянной опеки над нами, вы ее добьетесь, но не будете ли вы потом жалеть?

Рука Криса сильнее сжала мою руку, Кэрри смотре-

ла на меня огромными испуганными глазами.

– Скоро Рождество. И неужели вы хотите, чтобы я опять встречал праздник в одиночестве, наедине с собой? Вы здесь уже почти три недели, и я говорил всем, кто спрашивал, что вы – дети моих родственников, которые недавно умерли. Я совершаю этот шаг не в ослеплении. Мы с Хенни много думали об этом. И она считает так же, как и я, что нам будет хорошо с вами. Мы оба хотим, чтобы вы остались. Когда в доме дети, дом больше похож на дом. Я давно уже не чувствовал себя так хорошо и давно уже не был так счастлив. С тех пор как жены и сына нет в живых, я отвык иметь семью. Но за все это время я ни разу не захотел вернуться к холостяцкой жизни. – Его голос из убеждающего становился все более и более задумчивым. – Мне кажется, это веление судьбы – стать вашим опекуном. Мне кажется, Бог сулил Хенни оказаться в том автобусе, чтобы она привела вас ко мне. И если таково веление судьбы, кто я такой, чтобы отказываться? Вы – это дар небес, посланный мне во искупление моих прошлых ошибок.

Ух! Дар небес! Я сдалась больше чем наполовину. Я понимала, конечно, что людям свойственно находить убедительные мотивировки, оправдывающие их желания; я прекрасно понимала это. И тем не менее, когда я вопросительно посмотрела на Криса, гла-

за мои были полны слез. Он встретил мой взгляд и в замешательстве потряс головой, не понимая, чего же хочу я. Когда он заговорил, глядя все еще на меня, а не на доктора Пола, его рука железной хваткой сжимала мою.

– Мы сочувствуем вам в потере жены и сына, сэр. Но мы не сможем заменить их, и я не знаю, вправе ли мы отяготить вас расходами на троих чужих детей. – Затем он добавил, глядя доктору прямо в глаза: – Подумайте также о том, как будет ужасно, если вы, оформив опеку над нами, найдете себе другую жену.

– Я не собираюсь жениться еще раз, – как-то странно ответил доктор Пол. И продолжал уже более спокойно: – Мою жену звали Джулия, а сына Скотти. Когда он умер, ему было всего три года.

– О, – вздохнула я. – Как страшно потерять такого маленького сына и жену тоже.

Его видимая скорбь и раскаяние попали в цель и растрогали меня: я была в том же настроении.

– Они тоже попали в катастрофу, в автокатастрофу, как наш папа?

– В катастрофу, – коротко ответил он, – но не автомобильную.

– Когда наш папа погиб, ему было всего тридцать шесть лет, мы праздновали его день рождения – торт, подарки, но он так и не пришел, вместо него явились

два полисмена.

– Не надо, Кэти, – мягко сказал он. – Ты мне уже рассказывала. Переходный возраст нелегок для всех, но еще тяжелее оказаться в одиночестве, без поддержки, без приличного образования, почти без денег, ни семьи, ни друзей.

– Но нас ведь трое! – стойко возразил Крис, продолжая испытание. – Нам не грозит одиночество!

Пол продолжал:

– Если я вас не устраиваю и того, что я делаю для вас, недостаточно, тогда поезжайте во Флориду, желаю успеха. Твои занятия, Крис, полетят псу под хвост, а ведь ты почти у цели. И ты, Кэти, можешь забыть о мечтах стать балериной. Но вы хоть на минуту задумались о том, что будет с Кэрри? Как вы обеспечите ей счастливую жизнь и здоровье? Я отнюдь не принуждаю вас остаться, вы поступите так, как вы хотите и считаете нужным, но подумайте, что лучше: я и возможность исполнения мечты или суровый, неведомый мир?

Я сидела на перилах рядом с Крисом, наши руки сплелись. Я хотела остаться. Я хотела, чтобы доктор устроил жизнь Криса, не говоря уже о Кэрри и о себе самой.

Южный ветер ласкал мои щеки и шептал, успокаивая, что все будет хорошо. На кухне Хенни делала те-

сто для свежих рогаликов к завтраку, которые мы ели по утрам, намазывая маслом. Масло – то, чего мы были напрочь лишены раньше, и особенно страдал от этого Крис.

Все здесь прельщало меня: и ветерок, и мягкий, ласковый блеск глаз доктора. Даже звон кастрюль и сковородок Хенни звучал, как райская музыка; так долго я жила с тяжестью в сердце, а сейчас на сердце становилось легче. Может быть, действительно сказки иногда сбываются? Может быть, мы оказались достойны того, чтобы жить в этом Божьем Раю, может быть, мы вовсе не проклятые ростки дурных семян, брошенных в дурную почву.

Но сильнее слов доктора, сильнее того, что стояло за мягким блеском его глаз, меня убеждала кружащая голову сладость аромата роз, которые все цвели, хотя уже была зима.

Все решила Кэрри, а не я и не Крис. Она вдруг вскочила со своей ступеньки и бросилась в объятия доктора, он едва успел их раскрыть. Она повисла на нем, обхватив его шею своими тонкими ручками.

– Я не хочу уезжать! Я люблю вас, доктор Пол! – яростно кричала она. – Я не хочу никакой Флориды! Никакого цирка! Я никуда не хочу отсюда ехать!

Она заплакала, давая волю своему горю по Кори, так долго сдерживаемому, выплакивая давнюю пе-

чалъ. Доктор посадил ее на колени, поцеловал мокрые щеки и лишь потом достал носовой платок, чтобы вытереть ее слезы.

– Я тоже люблю тебя, Кэрри. Я всегда хотел, чтобы у меня была маленькая дочка со светлыми локонами и большими голубыми глазами, совсем как ты.

Но он не смотрел на Кэрри, когда говорил это. Он смотрел на меня.

– Хочу остаться здесь на Рождество, – хныкала Кэрри. – Я никогда не видела Санта-Клауса, ни разу...

Разумеется, она видела: много лет назад родители водили близнецов в большой магазин и папа сфотографировал их на коленях у Санта-Клауса, но, наверное, она об этом забыла.

Как удалось чужому человеку с такой легкостью войти в нашу жизнь и полюбить нас, в то время как наши ближайшие родные по крови хотели только лишь нашей смерти?

Вторая удача

Кэрри все решила. Мы остались. Но если бы не она, мы бы все равно остались. Как мы могли уехать?

Мы хотели отдать доктору Полу деньги, что он на нас истратил. Он отказался:

– Эти деньги пригодятся вам самим. Вам ведь они тяжело достались, правда? И еще я должен сказать вам, что встречался со своим поверенным и он подаст ходатайство о вызове вашей матери в Клермонт. Я знаю, вы думаете, что она не явится, но никогда нельзя знать точно. Если мне посчастливится добиться постоянной опеки, я каждому из вас буду выдавать карманные деньги на неделю. Невозможно чувствовать себя свободным и счастливым без гроша в кармане. Большинство моих коллег дают своим детям-подросткам пять долларов в неделю. А для девочки в возрасте Кэрри достаточно трех.

Он хотел купить нам новую одежду и все, что нужно для школы. И мы снова и снова поражались его щедрости.

За несколько дней до Рождества он повез нас на рождественскую ярмарку. Красные ковры, зеркальный потолок, толпы людей, рождественская поп-музыка, как в сказочной стране! Я была радостно воз-

буждена, как и Крис, и Кэрри, и наш доктор. В своей огромной руке он держал маленькую ручку Кэрри, а мы с Крисом, тоже держась за руки, шли за ними. Я видела, как он смотрит на нас, какое удовольствие ему доставляют наши широко распахнутые глаза. А мы были зачарованы всем этим. Мы с благоговейным трепетом взирали на все это великолепие, слегка подавленные; мы хотели всего и боялись, что он заметит это и поспешит выполнить все наши желания.

Я пришла в себя в отделе, где продавали одежду для девочек моего возраста. Ослепленная и сбитая с толку обилием и разнообразием того, что там было, я смотрела на то, смотрела на это и никак не могла решить, чего же я хочу, ведь все здесь такое замечательное. Я ни разу в жизни ничего не покупала себе сама. Крис смеялся над моей нерешительностью.

– Вперед, – подгонял он меня, – наконец-то ты купишь нужный размер, выбирай что хочешь.

(Я всегда жаловалась, что мама привозит мне вещи не моего размера.)

Очень экономно, с большой тщательностью я выбрала себе теплые вещи для школы, куда мы должны были пойти в январе, после Рождества. Мне было нужно и пальто, и настоящие туфли, и плащ, и шапка, и зонтик. И я чувствовала себя неловко оттого, что этот добросердечный и щедрый человек должен поку-

пать мне так много вещей. В награду за экономность и боязнь купить слишком много Пол нетерпеливо сказал:

– Ради бога, Кэти, не думай, что мы будем приходить в этот магазин каждую неделю. Я бы хотел, чтобы сегодня ты купила все, что необходимо, чтобы продержаться до конца зимы. Крис, пока мы здесь заканчиваем, ты поднимайся в мужской отдел и начинай выбирать для себя все, что надо. А мы с Кэти тем временем и Кэрри оденем.

Я заметила, что все девушки в универмаге оглядывались на моего брата, пока он шел до мужского отдела.

Наконец-то мы становимся нормальными детьми! Но как только я попробовала расслабиться, ощутив себя в безопасности, хале и неге, страшный рев Кэрри вдребезги разбил мой хрустальный замок. Ее вопли переполошили покупателей, испугали продавцов; одна дама, толкавшая перед собой коляску с младенцем, со страху налетела на манекен, который с грохотом упал, а младенец в коляске присоединил свой крик к Кэрриному.

Крис бегом прибежал посмотреть, кто убивает его сестренку. А она стояла, широко расставив ноги и откинув голову назад, и по ее щекам текли слезы обманутых ожиданий.

– Боже милостивый, что здесь случилось? – спросил Крис у совершенно обескураженного доктора.

Мужчины, что они могут понять! Очевидно, Кэрри была глубоко оскорблена предложенными ее вниманию прелестными платьицами пастельных тонов. Малышова одежда, вот почему. Но все остальное было велико, а ничего красного или фиолетового не было вообще – абсолютно не ее стиль!

– Посмотрите в отделе для детей двух-четырех лет, – предложила бессердечная крашенная блондинка с прической в виде стога сена, обольстительно улыбнувшись нашему доктору, отчего тот смутился.

Но Кэрри было восемь! Даже упоминание о «детях двух-четырех лет» явилось страшным оскорблением. Сморщившись и покраснев, она вопила:

– Я не буду носить малышовую одежду в школу! – Она уткнулась лицом в мое бедро, обхватила мои ноги. – Кэти, не заставляй меня носить голубые и розовые платьица для младенцев! Все будут смеяться! Будут, я знаю! Я хочу красное – не хочу малышовое!

Доктор Пол попытался ее утешить:

– Милая, я обожаю, когда голубоглазые блондинки одеваются в пастельные цвета. Почему ты не хочешь подождать немного, когда вырастешь и сможешь носить яркое?

Этой подслащенной пилюли упрямица Кэрри уже

совсем не могла вынести. Она метнула на него свирепый взгляд, сжала кулачки, приготовилась топтать ногами и уже набрала в грудь воздуха, чтобы проявить свои вокальные данные во всем блеске, как вдруг полная женщина средних лет, у которой, вероятно, была внучка, похожая на Кэрри, спокойно предложила сшить ей платья у портного. Кэрри заколебалась, переводя взгляд с меня на доктора, с доктора на Криса, потом на продавщицу.

– Прекрасное решение, – с явным облегчением радостно сказал доктор. – Я куплю швейную машинку, и Кэти сошьет тебе и фиолетовое, и красное, и ярко-синее, и ты будешь обшита.

– Не хочу быть обшита, хочу ярких цветов, – надулась Кэрри.

Меня не спрашивали, и я молчала, но я вообще-то танцовщица, а не портниха. Кэрри и сама понимала это.

– Кэти не умеет шить платья. Кэти ничего не умеет, кроме как танцевать.

Вот вам благодарность! Это я-то, которая научила их с Кори читать – с минимальной помощью Криса.

– Что с тобой случилось, Кэрри? – нахмурился Крис. – Ты ведешь себя как маленькая. Кэти сумеет сделать все, что захочет, запомни это!

Доктор с готовностью поддержал его. Я ничего не

сказала, и мы купили электрическую швейную машинку.

– А пока давай купим розовое, голубое и желтое платья, ладно, Кэрри? – И доктор Пол поддразнил меня: – Пока Кэти не научилась шить. А как только научится, сэкономит мне кучу денег, обшивая и тебя, и себя.

Если не считать того, что мне предстояло научиться шить, небеса благоприятствовали нам в тот день. Мы возвращались домой нагруженные, мы похорошели, побывав в парикмахерской, каждый из нас сразу обулся в новые туфли с крепкими подошвами. Я получила первые в жизни туфли на высоких каблуках и дюжину пар нейлоновых чулок! Первые нейлоновые чулки, первый лифчик, и венчала все это целая сумка косметики. Я могла бы целую вечность выбирать себе косметику, а доктор стоял сзади и наблюдал за мной с чрезвычайно странным выражением лица. Крис ворчал, что мне не нужны румяна, не нужна губная помада, или тени, или тушь, или карандаш для глаз.

– Ты ничего не понимаешь в этом, – отвечала я ему с некоторым превосходством.

Я впервые в жизни предалась покупательскому разгулу, и, видит Бог, я хотела насладиться им в полной мере! Мне нужно было абсолютно все, что я видела на мамином сказочном туалетном столике, даже

ее крем от морщин.

Не успели мы выйти из машины и разгрузить ее, как и Крис, и Кэрри, и я метнулись наверх померить обновки. Забавно, что раньше новая одежда доставалась нам гораздо легче и никогда не доставляла столько удовольствия, так как некому было в ней показаться. И все же я осталась верна себе: натянув синее бархатное платье с маленькими пуговками донизу, я вспомнила маму. Сколько иронии в том, что мне хочется плакать по маме, которой мы лишились, по маме, которую я решила ненавидеть до конца своих дней. Я села на край кровати и задумалась об этом. Мама дарила нам новую одежду, игрушки, книги, не чувствуя вины за то, что лишила нас нормального детства. Детства, которое уже не вернется. Потерянные годы, и Кори в могиле, ему не нужен новый костюм.

Его гитара стояла в углу, чтобы Кэрри, проснувшись, могла сразу увидеть ее и банджо. Почему страдать должны мы, а не она? Вдруг меня осенило: ведь Барт Уинслоу из Южной Каролины! Я сбежала вниз, схватила в кабинете доктора большой атлас и быстро вернулась в спальню. Открыла карту Южной Каролины, нашла Клермонт и не поверила своим глазам: Грингленн был совсем рядом с Клерментом! О, это не простое совпадение, так что же это? Широко раскрытыми глазами я уставилась в пространство. Бог судил

нам прийти сюда и жить совсем рядом с мамой, если, конечно, она приезжает в родной город своего мужа. Богу угодно, чтобы я имела возможность причинить ей боль, малую часть той боли, которую испытывали мы. Как только я смогу, я отправлюсь в Грингленн и узнаю все, что возможно, о нем и его семье. Моих пяти долларов в неделю хватит, чтобы подписаться на газету светской хроники, что рассказывает о жизни всех состоятельных людей, живущих в районе Фоксворт-холла.

Да, я сбежала из Фоксворт-холла, но я хочу знать о каждом ее движении, я заранее узнаю, когда она соберется сюда. Рано или поздно мама услышит обо мне и узнает, что я никогда ничего не забуду и не прощу, и когда-нибудь ей будет в десять раз больнее, чем нам сейчас!

Разобравшись с этим, я спустилась в гостиную к Крису и Кэрри демонстрировать новую одежду перед Хенни и доктором. Улыбка Хенни сияла, как яркое солнышко. Я посмотрела на нашего благодетеля: лицо его было печально, брови непроизвольно нахмурились. Ни восхищения, ни даже одобрения. Внезапно он поднялся и вышел из гостиной, извинившись под предлогом, что ему нужно еще поработать с бумагами.

Хенни стала моим ментором во всем, что касается

ся домашнего хозяйства. Она научила меня печь печенье из всего, что окажется под рукой, она объясняла, как сделать булочки пышными и сдобными, показывала, как правильно месить тесто. Однажды, оторвавшись от этого занятия, она стряхнула с рук муку и вытащила свой блокнотик. «Хенни плохо видит, совсем не видит мелких вещей, например, игольного ушка. Ты видишь хорошо, пришей сыночку-доктору оторванные пуговицы на рубашки, ладно?»

– Ладно, – согласилась я без всякого энтузиазма. – Я умею обметывать петли, вязать, вышивать, моя мама научила меня всему этому, как средству спастись от скуки.

Внезапно я замолчала, с трудом сдерживая слезы. Я вспомнила прелестное мамино лицо. Я вспомнила папу. Я вспомнила, как мы с Крисом, совсем еще маленькие, спешили из школы домой, и снег падал нам на плечи, а дома мама вязала детские вещички для близнецов. И тут я уже не могла сдерживаться, я уткнулась лицом в колени Хенни и заплакала, просто завывала. Хенни не могла говорить, но ее теплая рука ласково гладила меня по плечу, показывая, что она все понимает. Я на миг подняла глаза и увидела, что она плачет вместе со мной. Крупные слезы катились по ее большим круглым щекам и падали на ярко-красное платье, оно уже намокло.

– Не плачь, Хенни. Я с радостью пришью доктору Полу все его пуговицы. Он спас нам жизнь, и нет такой вещи, какую я для него не сделаю.

Она очень странно на меня посмотрела, поднялась и достала чуть ли не дюжину рубашек с оторванными пуговицами.

Крис старался как можно больше времени проводить с доктором, который помогал ему подготовиться в специальный медицинский колледж. Он хотел поступить туда на средний семестр. Самой сложной нашей проблемой была Кэрри. Она умела читать и писать, но уж очень она была маленькой! Как она приспособится к обычной городской школе, где дети отнюдь не всегда и не ко всем добры?

– Я предполагаю отдать Кэрри в частную школу, – объяснил нам доктор. – Очень хорошая школа для девочек с великолепным обслуживающим персоналом. Поскольку я состою в попечительском совете, я надеюсь, что Кэрри будет уделяться особое внимание и она не подвергнется никаким стрессам. – Он многозначительно посмотрел на меня.

Больше всего я боялась, что над Кэрри станут смеяться и она будет стыдиться своей непомерно большой головы и недоразвитого тела. Когда-то Кэрри была очень хорошо сложена, ее тельце было совершенным. Во всем виноваты эти потерянные годы, когда

нам было отказано в солнечном свете, – из-за них она осталась такой маленькой. Это так, и никто не разубедит меня в этом!

Я смертельно боялась, что мама вдруг появится в суде в тот день, когда ей было назначено слушание дела. И в то же время почти не сомневалась, что она не приедет. Приехать – это значит для нее потерять слишком много, не выиграв ничего. Что мы такое для нее – просто обуза! И еще угроза угодить в тюрьму по обвинению в убийстве.

Мы очень тихо сидели с Полом, одетые во все лучшее для появления в суде, и ждали, ждали, ждали. Я трепетала, как натянутая струна, боясь, что в любой момент могу сорваться и закричать. Но она снова дала нам понять, что мы для нее ничего не значим. Судья смотрел на нас с такой жалостью, что я страшно на нее разозлилась и тоже стала жалеть себя и всех нас. О, будь она проклята! Она дала нам жизнь, она клялась, что любит нашего отца! Так как же она могла поступить так с его детьми и со своими? Что же она за мать? Мне не нужно было жалости судьи или Пола, я держала голову высоко и закусил губу, чтобы не плакать. Рядом сидел Крис с совершенно непроницаемым лицом, но я-то знала, что на самом деле его сердце обливается кровью, как и мое. Кэрри свернулась в клубочек у доктора на коленях, он гладил ее по

голове и время от времени что-то шептал ей на ухо. Я думаю, что-нибудь такое:

– Не обращай внимания, все в порядке. Я буду тебе за папу, а Хенни – за маму. И пока я жив, у тебя будет все, что ты захочешь.

* * *

В ту ночь я плакала, и моя подушка была мокра от слез. Я плакала по маме, которую так любила, что больно было вспоминать то время, когда папа был еще жив и мы все жили счастливо. Я плакала по всему хорошему, что она делала для нас тогда, и горше всего я плакала по той любви, что она так щедро нам дарила – тогда. Еще я плакала по Кори, словно он был мой собственный ребенок. Тут-то я и перестала плакать и обратилась к горьким, тяжелым мыслям о мести. Чтобы уязвить кого-то, нужно сначала влезть в его шкуру. Что для нее хуже всего? Она не хотела думать о нас. Она старалась забыть, что мы существуем. Ну так забыть ей не удастся! Прямо на это Рождество я пошлю ей открытку и подпишу: «От четырех фарфоровых куколок, не нужных тебе», или лучше: «Три живые фарфоровые куклолки, не нужные тебе, и одна мертвая, которых ты бросила навсегда». Я представила себе, как она посмотрит на открытку и поду-

мает: «Я только сделала то, что должна была».

Мы опустили щит, сбросили броню и позволили себе опять быть обидчивыми и легкоранимыми. Нам вернули веру и надежду, веру в себя, в то, что мы пришли, упали с неба, как дар небес, и сделали кого-то счастливым.

Сказки иногда сбываются. Мы жили словно в сказке. Злая королева исчезла из нашей жизни, и в один прекрасный день Белоснежке настало время царствовать. Не одна она отведала отравленного красного яблочка. В каждой сказке обязательно есть дракон, которого нужно убить, ведьма, которую нужно победить, и множество препятствий, которые нужно преодолеть. Я старалась заглянуть в будущее и угадать, кто будет драконом и что это за множество препятствий. Но я всегда отлично знала, кто ведьма. И это самое печальное.

Я встала и вышла на верхнюю веранду посмотреть на луну. У перил, тоже глядя на луну, стоял Крис. По его сгорбленным плечам (обычно они были гордо развернуты) я поняла, что он совершенно опустошен, так же как и я. Я встала на цыпочки, чтобы напугать его, но он услышал, повернулся и раскрыл объятия. Я бездумно шагнула к нему и сомкнула руки у него на шее. На нем был теплый халат, подаренный мамой на прошлое Рождество, он был уже мал. Я положу ему под

елочку новый, с его монограммой – КФШ, потому что он не хотел больше называться Фоксвортом, а хотел Шеффилдом.

Его голубые глаза заглянули в мои. Наши глаза так похожи. Я любила его, как лучшую часть себя самой, светлую и счастливую часть.

– Кэти, – прошептал он, и его глаза подозрительно заблестели. – Если ты хочешь поплакать, давай, я пойму. Поплачь и за меня тоже. Я надеялся, я молился, чтобы мама приехала и дала какое-нибудь приемлемое объяснение тому, что она с нами делала.

– Приемлемый предлог для убийства? – с горечью спросила я. – Какой можно придумать приемлемый предлог для убийства? Она не столь изобретательна.

Он выглядел таким жалким, что я снова обняла его, одной рукой гладя его волосы, а другой – щеку. Любовь – слово всеобъемлющее, но это совсем не то, что секс, это во много раз сильнее. Когда он спрятал лицо в мои волосы и заплакал, меня переполняла любовь к нему. Всхлипывая, он снова и снова повторял мое имя, словно в этом мире только я осталась реальной и надежной, а больше никому нельзя было верить...

Каким-то образом его губы нашли мои, и мы стали целоваться, целоваться так страстно, что, не в силах бороться с желанием, он попытался увлечь меня

в свою комнату.

– Я просто хочу обладать тобой, вот и все, ничего больше. Скоро я уеду в школу, там у меня ничего не будет. На прощание, Кэти, пожалуйста.

Я не успела ответить, он снова схватил меня в объятия и стал целовать с такой испепеляющей страстью, что я испугалась, но и ощутила ответное желание.

– Перестань! Не делай этого! – крикнула я.

Но он не слушал, гладил мою грудь и высвобождал ее из-под халата, чтобы можно было поцеловать.

– Крис! – Я действительно рассердилась. – Нельзя любить меня так, Крис. Ты уедешь, и все, что ты чувствуешь ко мне, сойдет на нет, как ничего и не было. Так мы должны любить других, а не друг друга, тогда мы сохраним чистоту. Не можем же мы буквально повторить историю своих родителей! Мы не будем повторять их ошибок!

Он обнял меня крепче и не сказал ни слова, но я чувствовала, что он задумался о том, что никаких «других» не будет. Что в этом мире он верит только мне, потому что, когда он был совсем юн и очень, очень раним, одна женщина вероломно его обманула, предала и рана его слишком глубока.

Он отступил со слезами на глазах. Но я должна была разрубить этот узел сейчас, немедленно. Для его

же пользы. (Все, что мы делаем, мы делаем для чьей-то пользы.)

* * *

Я не могла уснуть. В ушах у меня звучал его голос, зовущий, полный желаний. Я встала, спустилась вниз и снова пришла к нему в постель. Он ждал меня.

– Ты никогда не будешь от меня свободна, Кэти, никогда. Пока ты жива, мы всегда будем вместе.

– Нет!

– Да!

– Нет!

Но я уже целовала его, потом выскочила из постели и помчалась к себе в комнату, закрыв и заперев за собой дверь. Что такое со мной случилось? Мне нельзя было входить в его комнату и ложиться в его постель. Или я – воплощение зла, как утверждала бабушка?

Нет, только не это!

Я не могу!

Часть вторая

Мечты сбываются

Наступило Рождество. Елка упиралась верхушкой в двадцатифутовый потолок, а подарков под ней было столько, что вполне хватило бы десятку детей, даром что мы с Крисом уже не дети. Кэрри бурно радовалась всему, что принес ей Санта-Клаус. А мы с Крисом употребили последние украденные на чердаке деньги, чтобы купить Полу роскошный красный домашний халат, а Хенни – потрясающее рубиново-красное бархатное платье пятьдесят восьмого размера! Довольная и благодарная, она долго нам на радость рассматривала его, потом написала: «Хорошее платье – в церковь ходить. Порадовали всех друзей».

Пол примерил новый халат. В красном он выглядел божественно, и сидел халат прекрасно.

А затем последовал главный сюрприз. Пол шагнул ко мне, склонился до земли и вытащил из бумажника пять больших желтых билетов. Если бы он целый год сидел и думал только о том, как порадовать меня сильнее, он бы не смог придумать ничего лучше. В его большой красивой руке были билеты на «Щелкунчи-

ка» в постановке балетной школы Розенковой.

– Я слышал, это весьма профессиональная труппа, – пояснил Пол. – Сам я не много знаю о балете, но я поспрашивал людей, говорят, эта одна из лучших. При ней же и школа: начальная, средняя и продвинутая группы. Ты на каком уровне?

– На высшем! – провозгласил Крис, я же, онемев от счастья, только молча смотрела на Пола. – Кэти была начинающей, когда мы попали на чердак. Но там случилось удивительное превращение, словно дух Анны Павловой вселился в ее тело. Она сама научилась вставать на пуанты.

Вечером все мы, включая Хенни, совершенно очарованные, сидели в третьем ряду партера. Танцоры на сцене были не просто хороши – они были великолепны! Особенно красивый молодой человек по имени Джулиан Марке, исполнявший главную роль. Как во сне, в антракте я пошла с Полом за кулисы познакомиться с танцорами!

Он подвел нас к стоящей рука об руку супружеской паре.

– Мадам, Жорж, – обратился он к крошечной женщине, лоснящейся, как тюлень, и мужчине ненамного ее выше. – Позвольте вам представить мою воспитанницу Кэтрин Долл, о которой я вам рассказывал. Это ее брат Кристофер, а младшая красавица – Кэрри. С

Генриеттой Бич вы уже знакомы.

– Да, конечно, – сказала дама.

Она выглядела как балерина, говорила как балерина и причесывалась как балерина: к гладко зачесанным назад черным волосам прикалывала огромный шиньон. На ней было развевающееся черное шифоновое платье поверх черного трико, а поверх платья – болеро из леопардовых шкур. Ее муж Жорж был спокойный мускулистый мужчина с бледным лицом, неестественно черными волосами и неестественно яркими губами цвета запекшейся крови. Впрочем, и она была под стать ему: ее рот был как алая рана, а глаза – как угольки от костра в бледном сдобном тесте лица. Две пары черных глаз ощупали меня и затем Криса.

– Вы тоже танцуете? – спросили супруги моего брата.

Интересно, они всегда говорят в один голос?

– Нет, я не танцую, – ответил Крис, смутившись.

– Ах, как жаль, – с сожалением вздохнула мадам. – Вы двое составили бы прекрасную пару на сцене. Народ валом валил бы посмотреть на ту красоту, которой обладаете вы и ваша сестра.

Она перевела взгляд вниз, на маленькую Кэрри, испуганно прижавшуюся к моей руке, и, по-видимому, решила ее игнорировать.

– Крис хочет стать врачом, – объяснил доктор Пол.

– Ха! – насмешливо выдохнула она, словно Крису здесь не было или он внезапно лишился чувств и не мог слышать.

И оба они обратили свои эбеновые глазки ко мне, сконцентрировавшись с такой силой, что мне стало неловко и я покраснела.

– Вы учились тэнцевать?

Она произносила «тэнцевать», словно там было «э».

– Да, – тихо ответила я.

– В каком возрасте начали?

– Мне было четыре года.

– А сейчас вам...

– В апреле будет шестнадцать.

– Хорошо. Очень, очень хорошо. – Она соединила ладони своих длинных костистых рук. – Одиннадцать лет профессиональной подготовки. В каком возрасте вы встали на пуанты?

– В двенадцать лет.

– Удивительно! – вскричала мадам. – Я никогда не ставлю девочек на пуанты раньше тринадцати, если только они не отличны. – Она с подозрением нахмурилась. – Вы отличны или вы посредственны?

– Не знаю.

– Вы хотите сказать, что вам никто не говорил?

– Никто.

– Тогда вы, должно быть, только посредственны. – Она кивнула, повернулась к мужу и величественно помахала рукой, отпуская нас.

– Подождите минутку! – взорвался Крис, покрасневший и очень рассерженный. – Сегодня на сцене нет ни одной балерины, которая могла бы сравниться с Кэти! Ни одной! Эта девушка, которая танцует Клару, главную партию, иногда совершенно не попадает в такт музыки. Кэти же очень точно слышит музыку, у нее абсолютный слух. Даже если она танцует под одну и ту же мелодию, она всякий раз немного изменяет свой танец, никогда не повторяется, импровизирует, стараясь сделать его лучше, красивее, трогательнее. Найти такую балерину, как Кэти, – счастье для вашей труппы!

Они покосились на него, подчеркивая неуместную горячность его сообщения.

– Вы такой авторитет в области балета? – спросила мадам с легким презрением. – Вы знаете, как отличить одаренного танцовщика от посредственного?

Крис стоял, словно вросши ногами в пол, как во сне. Он заговорил голосом, внезапно охрипшим от обуревавших его чувств:

– Я знаю лишь то, что я видел, а еще – какие чувства Кэти пробуждает во мне своим танцем. Я знаю,

что, когда начинает звучать музыка и она начинает двигаться в такт ей, мое сердце останавливается, а когда ее танец кончается, я ощущаю, что жить не страшно, потому что на свете есть такая красота. Она не просто танцует какую-то партию, она перевоплощается в свою героиню и заставляет поверить в это перевоплощение, потому что верит сама, и в вашей труппе нет ни одной девушки, которая тронула бы мое сердце, заставила бы его трепетать и сжиматься. Так что давайте, не принимайте ее, другая труппа только выиграет от вашей глупости.

Угольные глазки мадам долго и пронзительно глядели на Криса, столь же долгим был взгляд нашего доктора. Затем мадам Розенкова медленно повернулась ко мне, и я была оценена, взвешена и измерена буквально с ног до головы.

– Завтра ровно в час. Я назначаю вам просмотр в моей студии.

Это была не просьба, а команда, которую нельзя не выполнить, и почему-то я рассердилась, хотя должна была бы чувствовать себя счастливой.

– Завтра слишком рано, – сказала я. – У меня нет ни костюма, ни трико, ни пуантов.

Все эти вещи остались на чердаке Фоксворт-холла.
– Пустяки, – сказала она, сопроводив слово презрительным волнообразным жестом точеной руки. – Под-

берем все, что нужно. Приходите и не опаздывайте, мы требуем от наших танцоров дисциплины во всем.

И с королевским видом она грациозно выплыла вон в сопровождении своего мужа, оставив меня в совершенном ошеломлении, без слов и с открытым ртом. Я поймала на себе изучающий взгляд одного из танцовщиков, который, должно быть, слышал каждое слово нашего разговора. Его черные глаза светились восхищением и интересом.

– Гордись, Кэтрин, – сказал он мне. – Как правило, у них с Жоржем добиваются просмотра месяцами, а то и годами!

* * *

Вечером я плакала в объятиях Криса.

– Я не в форме, я давно не тренировалась, – всхлипывала я, – завтра я опозорюсь. Как плохо, что она не дала мне времени для подготовки! Я должна размяться. А так я буду неловкой, неуклюжей, и меня не примут, я знаю, не примут!

– Ой, Кэти, прекрати, – сказал он, обнимая меня крепче. – Я видел уже здесь, как ты у спинки кровати делала свои pliés и tendus. Ты безусловно в форме, ты не будешь ни неловкой, ни неуклюжей, ты просто испугалась от неожиданности. У тебя только страх пе-

ред сценой, вот и все. И нечего волноваться, ты будешь великолепно. Я уверен в этом, да и ты это знаешь.

Он легко поцеловал меня в губы: «Спокойной ночи», разжал объятия и повернулся к двери.

– Ночью я встану на колени и буду за тебя молиться. Я попрошу Господа сделать так, чтобы завтра ты поразила их. А я буду злорадствовать, глядя на их вытянутые физиономии: никто из них не ожидает, что ты так удивительно танцуешь.

И он ушел, а я осталась со своими волнениями и страхами. Свернувшись под одеялом, я не могла заснуть в тревожном ожидании.

Завтра мой звездный час, мой шанс доказать, что я такое, доказать, что я обладаю всем, чем нужно, чтобы достичь вершин. Я должна быть лучшей, на меньшее я не согласна. Я должна доказать маме, бабушке, Полу, Крису, всем! Я не исчадие ада, не испорченная, не дьяволово отродье! Я – это я, лучшая балерина в мире!

Кэрри мирно спала, а я мучилась, ворочалась, мне снились кошмары, в которых на просмотре я все делала не так и, что еще хуже, все не так было в моей жизни! Мне снилось, что я – иссохшая старуха и прошу подаяния на улицах какого-то огромного города. В темноте я прохожу с протянутой рукой мимо ма-

мы, которая осталась молодой и прекрасной, и богато одета, в мехах и драгоценностях, и с ней вечно юный Барт Уинслоу.

Я проснулась. Была ночь. Какая длинная ночь! Я спустилась по лестнице к елке. Лампочки на елке горели, а на полу лежал Крис и смотрел вверх, в путаницу ветвей. Мы любили так делать, когда были детьми. Меня вдруг непреодолимо потянуло к нему, и я легла рядом и тоже стала смотреть в мерцающий сказочный мир веток рождественской елки.

– Я думал, ты забыла, – пробормотал Крис, не глядя на меня. – Помнишь, в Фоксворт-холле елка бывала такой маленькой, что ее ставили на стол, и нельзя было вот так лежать под ней и смотреть. Давай запомним это навсегда. Даже если наши будущие елки будут всего в фут, мы поднимем их повыше, чтобы можно было лечь вот так и смотреть сквозь ветки.

Его слова взволновали меня, я медленно повернула голову и долго смотрела на его профиль. Он был так красив в мерцающем свете елочных лампочек. На его волосы падали отблески всех цветов радуги, а когда он повернул голову и заглянул мне в глаза, в них тоже отражались елочные огни.

– Ты божественно красив, – сдавленным голосом сказала я. – В твоих глазах я вижу леденцы... или бриллианты английской короны...

– Все это я вижу в твоих глазах, Кэти. Ты так прелестна в этой белой ночной рубашке. Мне нравится, когда ты в белой ночной рубашке с голубыми шелковыми лентами. Мне нравится, когда твои волосы веером разбросаны по ковру и ты кладешь на них щеку, как на шелковую подушку.

Он подвинулся ближе, так что его голова тоже легла на мои волосы. Еще ближе, коснулся лбом моего лба, я ощутила на лице его теплое дыхание. Я отодвинулась, закинув голову назад и выгнув шею. Я словно бы не чувствовала, что его теплые губы целуют впадинку у горла, дыхание прервалось. Бесконечно длинное мгновение я ждала, когда же он отодвинется, и сама хотела отодвинуться, но почему-то не могла. На меня вдруг снизошел такой мир, такой покой, плоть моя затрепетала в сладком предвкушении.

– Больше не целуй меня, – прошептала я, теснее прижимаясь к нему и удерживая его голову у горла.

– Я люблю тебя, – задохнулся он. – Кроме тебя, у меня никого никогда не будет. Когда я стану стариком, я вспомню эту ночь с тобой под елкой и как ты была добра, позволив мне держать тебя вот так.

– Крис, а тебе обязательно надо уезжать учиться на врача? Ты не можешь остаться здесь и придумать что-нибудь еще?

Он поднял голову и заглянул мне в глаза:

– Кэти, как ты можешь спрашивать? Я мечтал об этом всю свою жизнь, а ты...

Я снова всхлипнула. Я не хотела, чтобы он уезжал! Я стала щекотать его лицо своими локонами, вдруг он вскрикнул и поцеловал меня в губы. Легким таким поцелуем, но, испуганная, я отпрянула, пока он не перерос во что-то большое. Крис начал говорить сумасшедшие, дикие вещи, что-то о том, как я похожа на ангела.

– Кэти, посмотри на меня! Не отворачивайся и не притворяйся, будто не понимаешь, что я делаю, что я говорю! Посмотри, как ты меня мучаешь! Как я могу найти кого-нибудь еще, если ты – частица меня? Моя кровь бежит быстрее, и твоя тоже! Твои глаза вспыхивают ярче, и мои тоже! Не отвергай меня!

Его дрожащие пальцы расстегивали обтянутые шелком крошечные пуговицы моей ночной рубашки, обнажая меня до талии. Я закрыла глаза и, как однажды на чердаке, когда он нечаянно поранил мне бок ножницами, лежала бледная, страдающая, ожидая, когда же он поцелуями снимет боль.

– Как прекрасны твои груди, – глубоко вздохнув, сказал он, наклоняясь и прильнув к ним губами. – Я помню, как ты была совсем плоской, а потом грудки начали расти, и ты так стеснялась этого, старалась носить свитеры посвободнее, чтобы я ничего не заме-

тил. Почему ты так стеснялась?

Я парила где-то под облаками, ощущая на груди его нежные поцелуи. Но в то же время где-то глубоко-глубоко, в тайных глубинах сознания, я содрогалась. Почему я позволяю ему это? Мои руки прижали его крепче, и, когда наши губы опять встретились, именно мои пальцы расстегнули пуговицы его пижамы, чтобы его обнаженная грудь легла на мою обнаженную грудь. Мы томились в жарком слиянии неудовлетворенной страсти, и вдруг я закричала:

– Нет! Это грех!

– Ну так согрешим!

– Тогда не покидай меня! Забудь о том, чтобы стать врачом! Останься со мной! Не уезжай, не оставляй меня! Без тебя я боюсь самой себя. Иногда я делаю безумные вещи. Крис, пожалуйста, не оставляй меня одну! Я никогда еще не оставалась одна, пожалуйста, останься!

– Я должен стать врачом, – сказал Крис и застонал. – Вели мне отказаться от чего угодно, я отвечу «да». Но не проси меня отказаться от того, что делает меня мной. Ты ведь не откажешься от танцев, правда?

Я не знаю, наверное, я отвечала на его жадные поцелуи, потому что огонь, сжигавший нас, пылал все сильнее, толкая к краю пропасти.

– Порой я так люблю тебя, что не в силах держать себя в руках, – взмолился он. – Если бы я обладал тобою сейчас, ты испытала бы не боль, а одну лишь радость.

Внезапно он раздвинул свои горячие губы и языком заставил раскрыться мои; меня словно пронзил разряд электрического тока.

– Я люблю тебя, о, как я люблю тебя! Я думаю о тебе все время, ты снишься мне во сне, – бормотал Крис, и его дыхание становилось все чаще и тяжелее, и мое тело победило меня: оно было полно желания и готово его удовлетворить.

Разумом я хотела оттолкнуть его, но не могла, я его желала! Я задыхалась от стыда!

– Не здесь, – говорил он между поцелуями. – Наверху, в моей комнате.

– Нет! Я твоя сестра, и твоя комната слишком близко от Пола. Он услышит.

– Тогда в твоей. Кэрри из пушки не разбудишь.

Не успела я понять, что происходит, как он схватил меня на руки, подбежал к задней лестнице, поднялся в мою комнату и упал вместе со мной на кровать. Сняв с меня ночную рубашку, а с себя пижаму, он принялся завершать то, что начал. Я не хотела этого! Я не хотела, чтобы это когда-нибудь случилось снова!

– Перестань! – крикнула я, выкатилась из-под него

и упала на пол.

В мгновение ока он оказался на полу со мной. Мы катались по полу и боролись, два обнаженных тела, как вдруг наткнулись на что-то жесткое.

И тогда он остановился. Он смотрел на коробку печенья, буханку хлеба, яблоки, апельсины, фунт сыра чеддер, несколько банок рыбных консервов, бобы, томатный сок. Консервный нож, тарелки, стаканы, ложки и вилки.

– Кэти! Зачем ты таскаешь у Пола продукты и прячешь их у себя под кроватью?

Я потрясла головой, не в силах объяснить, зачем я взяла и спрятала еду. Затем села, дотянулась до своей ночной рубашки и стыдливо прикрылась ею.

– Уйди! Оставь меня! Я люблю тебя только как брата, Кристофер!

Он подошел, обнял меня и положил голову мне на плечо.

– Прости. Милая, я знаю, зачем ты прячешь еду. Ты боишься, что в один прекрасный день нас опять запрут, и хочешь быть во всеоружии. Ты осознаешь, что я – тот единственный человек, который это понимает? Позволь мне любить тебя еще раз, Кэти, всего только раз, чтобы пронести это сквозь свою жизнь. Позволь мне дать тебе наслаждение, какого я не давал тебе прежде, на всю оставшуюся жизнь!

Я вlepила ему пощечину!

– Нет! – вскричала я. – Больше никогда! Ты обещал, и я думала, ты удержишь обещание! Если тебе нужно стать врачом, уехать и покинуть меня – нет, и всегда будет нет! – Я резко оборвала себя. Я не хотела этого говорить. – Крис... не смотри на меня так, пожалуйста!

Он медленно натягивал пижаму, с горечью глядя на меня.

– Мне не будет жизни, если я не стану врачом, Кэти.

Я зажала рот обеими руками, чтобы не закричать. Что со мной творится? Я не могу требовать, чтобы он отказался от своей заветной мечты. Я не хочу быть как моя мать, которая заставляет страдать всех вокруг, чтобы ей было хорошо. Я кинулась в его объятия и заплакала. Случилось так, что мой брат стал моей первой, вечной, юной любовью, которой никогда, никогда не расцвести!

Потом я лежала одна, с открытыми глазами, и безнадежно слушала, как за окнами завывает холодный ветер.

Просмотр

Через день после Рождества, ровно в час я должна была быть в Грингленне, где находились дом Барта Уинслоу и балетная школа мадам Розенковой.

Мы все залезли в машину Пола и приехали за пять минут до начала.

Мадам Розенкова велела мне называть ее мадам Мариша, если я буду принята, а если не буду, то мне вообще не придется обращаться к ней. На ней было только черное трико, демонстрирующее каждую выпуклость и впадину ее великолепного тела, стройного и тренированного, несмотря на то что ей было уже, должно быть, около пятидесяти. Ее муж Жорж тоже был в черном, но его прекрасное мускулистое тело уже немного выдавало возраст: у него намечался животик. Еще к просмотру готовились двадцать девочек и три мальчика.

– Какую ты выбрала музыку? – спросила она.

Казалось, что ее муж вообще никогда не разговаривает, хотя он не сводил с меня своих умненьких птичьих глазок.

– «Спящая красавица», – тихо сказала я, полагая, что партия Авроры самая выигрышная партия классического репертуара, так зачем же выбирать менее

показательную вещь? – Я могу исполнить одна «Адажио роз».

– Отлично, – саркастически сказала она. И добавила: – Я сразу подумала по твоему виду, что ты захочешь «Спящую красавицу».

Я пожалела, что не выбрала что-нибудь попроще.

– Какого цвета трико ты хочешь?

– Розового.

– Я так и думала.

Она вытащила мне розовое трико, наугад сняла с полки, где рядами стояли дюжины пар пуантов, одну пару и бросила ее мне. Как ни невероятно это звучит, пуанты оказались мне точно впору. Переодевшись, я села к длинному туалетному столику заплести волосы. Мне не надо было подсказывать, что мадам захочет видеть мою шею и ей не понравится все, что этому мешает. Я это знала и так.

Едва я вместе со стайкой хихикающих девчонок закончила одеваться и причесываться, мадам Мариша просунула в дверь голову посмотреть, готова ли я. Ее угольно-черные глаза критически ощупали меня.

– Неплохо. Пойдем, – приказала она и пошла вперед.

Я смотрела на ее сильные ноги с мощными мускулами. Зачем она нарастила эти чудовищные мускулы? Я не собираюсь стоять на пуантах столько, я не

хочу, чтобы мои ноги стали такими же! Ни за что!

Она привела меня на большую арену с блестящим полом, который на самом деле был не таким уж и скользким. По стенам располагались места для зрителей, я нашла глазами Криса, Кэрри, Хенни и доктора Пола. Теперь мне казалось, что лучше бы их здесь не было. В случае провала они увидят мое унижение. Там было еще восемь-десять человек, но на них я не обратила внимания. Девочки и мальчики из труппы сгрудились сбоку. Я боялась больше, чем думала. Конечно, я немного тренировалась с тех пор, как мы сбежали из Фоксворт-холла, но не с таким прилежанием, как на чердаке. Мне бы надо было упражняться целую ночь, приехать сюда заранее, чтобы успеть размяться, тогда бы, может быть, я не нервничала так сильно.

Я хотела бы оказаться последней, чтобы посмотреть на остальных и поучиться на их ошибках или на их достоинствах. Чтобы соизмерить себя с ними и понять, что делать.

Жорж сел за пианино. Я проглотила комок в горле: во рту пересохло, сердце часто колотилось в груди, а глаза, как магнитом, тянуло к местам зрителей. Там Крис, и в его голубых глазах, как всегда, гордость, вера в меня, восхищение, ободряющая улыбка – все то, что придает мне столько сил. Мой милый возлюблен-

ный брат Кристофер Долл! Когда он нужен мне, он всегда тут как тут, он готов ради меня на все, с ним я вдвое лучше, чем без него. «Господи, – помолилась я, – сделай так, чтобы все прошло хорошо! Дай мне оправдать его ожидания!»

Я не могла смотреть на Пола. Он хочет быть моим отцом, а не палочкой-выручалочкой, волшебным амулетом. Если я провалюсь и опозорю его, он будет смотреть на меня совсем по-другому. Я потеряю в его глазах все свое очарование. Стану как все.

Легкое прикосновение к моей руке заставило меня подпрыгнуть. Передо мной стоял Джулиан Марке.

– Ни пуха ни пера, – шепнул он и улыбнулся, показав свои удивительно белые красивые зубы.

Его темные глаза озорно блестели. Он был выше, чем обычно бывают танцовщики, почти шести футов, и скоро я узнала, что ему девятнадцать лет. Его кожа была столь же чистой и гладкой, как моя, но по контрасту с темными волосами казалась очень бледной. На его волевом подбородке была ямочка, а еще одна, на правой щеке, то появлялась, то исчезала по его желанию. Я поблагодарила его за доброе пожелание, растроганная его теплым взглядом.

– О, – сказал он в ответ на мою улыбку, – ты действительно красивая девочка. Как жаль, что ты еще ребенок.

– Я не ребенок!

– Тогда кто же ты, старушка лет восемнадцати?

Я опять улыбнулась, весьма польщенная, что выгляжу такой взрослой:

– Может быть, да, а может быть, и нет.

Он усмехнулся, словно знал все мои ответы заранее. Может быть, он действительно знал все заранее: он похвастался, что считается одним из лучших танцовщиков Нью-Йоркской труппы.

– Я здесь только на каникулы, навестить мадам. Скоро вернусь в Нью-Йорк, домой.

И он оглянулся по сторонам, словно «провинция» надоела ему без меры, а мое сердце упало. Я надеялась, что мне придется работать с ним.

Мы обменялись еще несколькими словами, и зазвучала моя музыка. Я вдруг перенеслась на чердак с гирляндами бумажных цветов, развешенными на стропилах; вокруг – никого, только я и тот тайный возлюбленный, который всегда танцевал со мной, постоянно ускользая, не позволяя к себе приблизиться и посмотреть в лицо. Поначалу мне было страшно, но я танцевала и все делала правильно, все антраша, пируэты, взмахи рук, старалась держать глаза широко открытыми и обращать лицо к зрителям, которых не видела. И магия танца захватила меня. Я танцевала без плана и расчета, музыка подсказывала мне,

что делать и как, я слилась с ней воедино и не могла уже сделать ошибки. И как всегда, тайный возлюбленный танцевал со мной, но теперь я видела его лицо! Его прекрасное бледное-бледное лицо с пылающими темными глазами, рубиновыми губами и иссиня-черными волосами. Джулиан!

Как во сне, я видела: вот он протягивает ко мне сильные руки, падая на одно колено и изящно оттягивая назад другую ногу, вот он глазами делает мне знак пробежаться и склониться в его раскрытые объятия. Я была на полпути к нему, как вдруг страшная боль пронзила мой живот. Я перегнулась пополам и закричала. У меня под ногами растекалась огромная лужа крови. Кровь струилась по ногам, пачкала пуанты, пятнала розовое трико. Я поскользнулась и упала на пол, так ослабев, что не могла подняться и лежала, словно издалека слыша плач. Не свой плач. Плакала Кэрри. Я закрыла глаза, не в силах думать о том, кто поднимает меня.словно издалека, доносились голоса Пола и Криса. Крис склонился надо мной и прижался ко мне лицом, слишком явно обнаруживая свою любовь. Это одновременно успокоило и испугало меня: я не хотела, чтобы Пол видел. Крис начал говорить что-то ободрительное, как вдруг нахлынула тьма и унесла меня далеко-далеко, туда, где никто не любил меня.

И моя балетная карьера, не успев начаться, безвозвратно закончилась.

* * *

Я очнулась от тяжелого забытья. На больничной кровати, держа мою слабую руку, сидел Крис. Его голубые глаза. Боже, какие глаза.

– Эй, – тихо сказал он, глядя мои пальцы. – Вот жду, когда ты придешь в себя.

– Сам «эй».

Он улыбнулся, наклонился и поцеловал меня в щеку.

– Скажу тебе, Кэтрин Долл, что ты умеешь закончить танец на драматической ноте.

– Что поделаешь, талант. Истинный талант. Может, лучше пойти в актрисы?

– Может, но вряд ли ты пойдешь, – пожал плечами он.

– Ох, Крис, – слабо простонала я. – Вот я и упустила свой шанс. Что это со мной было?

Я чувствовала, что мои глаза полны ужаса. Ужаса, что он понял и знает причину. Он наклонился, взял меня в объятия и прижал к своей груди.

– Жизнь дает нам не один шанс, Кэти, ты же знаешь. Тебе пришлось сделать чистку. Ничего страшно-

го, к завтрашнему дню ты будешь на ногах и совершенно здорова.

– Что такое «чистка»?

Крис улыбнулся и нежно коснулся моей щеки. Он постоянно забывал, что я не так искушена в медицине, как он.

– Это такая процедура, при которой женщине раскрывают шейку матки и инструментом, называемым кюретка, выскребают из матки все лишнее, отмершие ткани. Твои небывшие месячные скопились там и вырвались наружу.

Наши глаза встретились.

– Вот и все, Кэти. Все, ничего больше.

– А кто выскребал? – прошептала я, боясь, что Пол.

– Гинеколог по имени доктор Джарвис, друг нашего доктора. Пол сказал, что он лучший гин в округе.

Я откинулась на подушки, не зная, что и думать. Ведь всегда, когда происходит что-то подобное, всем стараются внушить именно это. Господи, почему жизнь так жестока ко мне!

– Открой глаза, моя леди Кэтрин, – сказал Крис. – Не принимай это так близко к сердцу, дело не стоит того. Лучше обрати свой взор вон туда, на туалетный столик, и посмотри, сколько там прекрасных цветов, настоящих, не бумажных. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я украдкой взгляну в карточки?

Разумеется, я не возражала, и он принес со столика и вложил мне в руку маленький белый конверт. Я смотрела на огромный букет цветов, думая, что это от Пола, и только потом мой взгляд упал на карточку в руке. Пальцы мои дрожали, когда я вынимала из конверта маленькую записку и читала:

*Надеюсь, ты скоро поправишься. Я жду тебя в следующий понедельник, ровно в три часа.
Мадам Мариша.*

Мариша! Меня приняли!

– Крис, Розенковы берут меня!

– Разумеется, берет, – мягко сказал он. – Иначе были бы полными дураками. Но эта женщина повергает меня в ужас! Не хотел бы я, чтобы она имела хоть какую-то власть над моей жизнью! Впрочем, я думаю, ты с ней справишься: в случае чего зальешь ей ноги кровью.

Я села и обняла его.

– Похоже, счастье улыбается нам, Крис? Правда?

Он кивнул, улыбнулся и показал на другой букет, от Джулиана Марке, с запиской:

Увидимся, когда я снова прилечу из Нью-Йорка, Кэтрин Долл, так что не забывай меня.

Из-за плеча Криса я увидела, что Пол вошел в комнату и, нахмурившись, замешкался у двери, увидев

наше объятие. Затем натянул на лицо улыбку и шагнул вперед. Мы с Крисом отпрянули друг от друга.

Снова школа

Пришло время нам разлучиться. Мы сдавали экзамены, чтобы определить свой уровень, и, к великому удивлению Криса, да и моему, сдали их очень хорошо. Я была направлена в десятый класс, Кэрри – в третий, а Крис – в подготовительный класс колледжа. Но Кэрри не испытала никакой радости по этому поводу.

– Нет, нет! – плакала она, готовясь затопать ногами и сжимая кулачки, чтобы броситься на того, кто посмеет ее заставить. – Не хочу в частную школу для прелестных маленьких девочек! Не поеду! Вы меня не заставляйте! Я все скажу доктору Полу и Кэти!

Меня тоже не слишком радовала мысль отдать Кэрри в частную школу в десяти милях от города. А через день после нее уедет и Крис, и я останусь одна, а ведь мы давали торжественную клятву никогда, никогда не разлучаться! Но я, посадив Кэрри на колени, принялась ласково объяснять ей, что доктор Пол долго выбирал эту очень специальную школу и уже заплатил громадное количество денег за ее обучение. Она же зажмурилась и старалась не слушать.

– Это вовсе не школа для прелестных маленьких девочек, Кэрри, – говорила я, целуя ее в лоб. – Это школа для богатых девочек, чьи родители могут поз-

волить себе все самое лучшее. Ты можешь гордиться, нам очень повезло, что доктор Пол наш законный опекун.

Убедила ли я ее? Но разве я ее хоть когда-то хоть в чем-то убедила!

– Я все равно не хочу туда ехать, – капризно ныла она. – Почему я не могу ходить в твою школу, Кэти? Почему я должна уезжать туда, где я буду совершенно одна, где никого не будет рядом?

– Никого? – Я засмеялась, чтобы скрыть то, что на самом деле чувствовала, а чувствовала я те же самые страхи. – Там-то ты будешь не одна! Там будет сотня девочек примерно твоего возраста. Тебе нужна начальная школа, а я буду ходить в среднюю.

Я покачивала ее и гладила ее длинные шелковистые волосы, потом повернула ее прелестное кукольное личико к себе. Какой красавицей она была бы, если бы ее тело развилось пропорционально слишком большой голове!

– Кэрри, четыре человека в этом мире любят тебя очень сильно: доктор Пол, Хенни, Крис и я. Мы все хотим тебе только добра, и, хотя несколько миль будут нас разделять, мы будем все время думать о тебе, сердцем мы будем с тобой. И на каждый уик-энд ты будешь приезжать домой. Да и потом, хочешь верь, хочешь нет, школа не такая уж скучная штука, на са-

мом деле там очень весело. Ты будешь жить в одной комнате с девочкой твоего возраста, вы будете обсуждать учителей. А самое приятное то, что все девочки будут говорить тебе, что ты самая красивая. Тебе, должно быть, хочется пообщаться с другими детьми. Я знаю, что, когда много девочек собирается вместе, это очень интересно. Можно играть в разные игры, создавать всякие секретные общества и партии, можно шептаться и хихикать всю ночь. Тебе понравится.

Да. Конечно. Ей понравится.

Кэрри дала себя уговорить лишь после того, как излила водопад слез, и в глазах ее читалось, что она соглашается только из уважения ко мне и своему большому благодетелю, которого она очень любила, а ей эта школа для богатых девочек – все равно что спать на гвоздях. Как раз когда она говорила: «И что, мне нужно будет оставаться там долго-долго?», Пол и Крис вошли в гостиную. Они часами уединялись в кабинете Пола: Пол натаскивал Крису по химии, по которой тот несколько отстал за годы взаперти.

Пол посмотрел на Кэрри, увидел ее печаль, повернулся и направился в холл. Через минуту он вернулся с большой коробкой, обернутой фиолетовой бумагой и перевязанной широкой красной атласной лентой.

– Это моей любимой блондинке, – добродушно сказал он.

Кэрри уставилась на него огромными страдающими глазами и неуверенно улыбнулась. Потом в восторге крикнула «О!», развернула свой подарок, и мы увидели ярко-красную, обитую кожей шкатулку с двумя отделениями: для косметики, с золотой расческой, щеточкой, зеркальцем и множеством пластмассовых баночек и флакончиков, и для письменных принадлежностей, чтобы писать письма домой.

– Какая пре-е-елость! – воскликнула она, совершенно покоренная тем, что все такое красное. – Я и не знала, что бывают красные шкатулки с золотым зеркальцем внутри!

Я посмотрела на Пола: ведь маленькой девочке не нужна косметика? И, словно прочитав мои мысли, он сказал:

– Я знаю, это вещь взрослая, но я хотел подарить ей что-нибудь такое, что прослужит много лет. Пройдут годы, она посмотрит на эту шкатулку и вспомнит меня.

– Это самая красивая шкатулка из всех, что я видела, – живо сказала я. – Положи в нее еще свою зубную щетку, пасту, тальк и туалетную воду.

– Я не собираюсь класть в мою шкатулку никакой гнусной туалетной воды!

И все мы рассмеялись. Потом я взбежала по лестнице и вошла в свою комнату, чтобы достать маленькую коробочку, которую припрятала для Кэрри. Но,

возвращаясь в гостиную с коробочкой в руках, вдруг засомневалась: может быть, не стоит давать ее Кэрри, будить старые воспоминания?

– Кэрри, в этой коробочке твои старые друзья. Если в школе для девочек из хороших семей мисс Эмили Дин Кэлхаун тебе вдруг станет немножко одиноко, откроешь ее и посмотришь, что там внутри. И никому ее не показывай, даже самым близким друзьям.

Она широко распахнула глаза, увидев крошечных фарфоровых человечков и их фарфорового ребеночка, которого она особенно любила, украденных мною из огромного сказочного кукольного дома, с которым она все время играла на чердаке. Из всего дома я взяла только кроватку.

– Мистер и миссис Паркинс и детка Клара! – выдохнула Кэрри со слезами счастья в больших голубых глазах. – Откуда они взялись, Кэти?

– Ты знаешь откуда.

Она посмотрела на меня, обеими руками держа коробку с хрупкими куколками, покоящимися в вате, и деревянной кроваткой ручной работы – бесценное сокровище, прабабушкино наследство.

– Кэти, где мама?

О господи! Именно на этот вопрос мне меньше всего хотелось отвечать.

– Кэрри, ты же знаешь, мы решили говорить всем,

что наши родители оба умерли.

– Мама умерла?

– Нет, но мы делаем вид, что да.

– Почему?

И я опять должна была объяснять Кэрри, что мы никому не должны говорить, кто мы на самом деле и что наша мама жива, а не то опять окажемся на чердаке. Она сидела на полу рядом со своей новой шкатулкой, держа на коленях коробочку с куклами, и смотрела на меня огромными, ничего не понимающими глазами.

– Я имею в виду, Кэрри, ты не должна упоминать о другой семье, кроме Криса, меня, доктора Пола и Хенни. Понимаешь?

Она кивнула, но, судя по скривившимся губам, по выражению лица, не поняла. Она все еще хотела к маме!

И вот настал ужасный день, когда мы повезли Кэрри за десять миль от границы Клермонта поступать в умопомрачительную частную школу для дочек богатей. Школа занимала огромное белое здание с портиком и колоннами, а табличка у входной двери гласила: «Основано в 1824 году».

В теплом и уютном кабинете нас приняла наследница основателя школы, мисс Эмили Дин Дьюхерст, статная красивая женщина с гладкими седыми волосами и лицом без единой морщинки.

– Она прелестный ребенок, доктор Шеффилд. Разумеется, мы сделаем все для того, чтобы учиться здесь ей было удобно и хорошо.

Я наклонилась обнять дрожащую Кэрри и прошептала:

– Держись, постарайся, чтобы тебе здесь понравилось. Не скучай. Каждый уик-энд мы будем забирать тебя домой. Ладно?

Она выдавила из себя улыбку и тихо пробормотала:

– Я постараюсь.

Нелегко было уезжать, оставив Кэрри в этом роскошном белом здании колониального стиля.

А на следующий день пришло время и Крису собираться в колледж. Я с болью смотрела, как он пакует вещи, и молчала. Я не могла говорить, и мы боялись взглянуть друг на друга.

Его колледж был еще дальше, в тридцати милях от города. Дома университетского городка были из розового кирпича, но опять с обязательными белыми колоннами. Поняв, что мы хотим остаться наедине, Пол удалился под каким-то довольно неуклюжим предлогом, сказав, что хочет посмотреть сад. Мы с Крисом уединились в нише окна-фонаря. Мимо постоянно пробегали молодые люди, бросая на нас любопытные взгляды. Мне хотелось обнять его, прижаться

щекой к его щеке. Мне хотелось, чтобы это стало нашим прощанием с любовью, чтобы мы наконец поняли: она ушла навсегда, по крайней мере ушло навсегда то, что было в ней неправильным.

– Крис, – запинаясь, чуть не плача, заговорила я, – что я буду делать без тебя?

Его голубые глаза меняли цвет, как в калейдоскопе, отражая смену чувств.

– Кэти, ничего уже нельзя изменить, – отрывисто прошептал он, схватив меня за руки. – И когда мы встретимся опять, мы почувствуем то же самое. Я люблю тебя. И всегда буду любить, хорошо это или плохо, я ничего не могу с этим поделать. Я буду заниматься, как зверь, чтобы не оставалось времени думать о тебе, скучать и гадать, что происходит в твоей жизни.

– И станешь самым молодым выпускником медицинского колледжа в истории человечества, – поддразнила я, хотя голос мой был так же отрывист, как и его. – Оставь для меня немножко любви и спрячь ее поглубже в твоём сердце, а я спрячу свою любовь к тебе. Мы не должны повторять ошибки своих родителей.

Он тяжело вздохнул и опустил голову, уставившись в пол у себя под ногами; а может быть, глядя на мои ноги на высоких каблуках, которые мне очень шли.

– Береги себя.

– Конечно. И ты береги себя. Не занимайся слишком много, не отказывай себе в развлечениях и пиши мне не реже раза в день. Я думаю, мы не будем накручивать телефонные счета.

– Кэти, ты ужасно красива. Может быть, слишком красива. Я смотрю на тебя и вижу нашу мать: в наклоне головы, в том, как ты складываешь руки. Не слишком очаровывай нашего доктора. Я имею в виду, он, в конце концов, мужчина. У него нет жены, и ты будешь жить с ним под одной крышей. – Он поднял на меня вдруг потемневшие глаза. – Не делай глупостей, чтобы заглушить любовь ко мне. Вот что я хочу сказать.

– Обещаю вести себя хорошо.

Но как могла я твердо обещать это, если именно он пробудил во мне те первобытные стремления, которые надо было сдерживать, пока я не стану достаточно взрослой, чтобы управлять ими? И теперь я хотела их удовлетворить, хотела быть любимой кем-нибудь, кого я люблю.

– Пол отличный парень, – напряженно произнес Крис. – Я очень люблю его. И Кэрри любит его. А ты, Кэти?

– Я тоже люблю его, как ты и Кэрри. Я ему благодарна. В этом нет ничего плохого.

– Он не пытался делать ничего такого?

– Нет. Он порядочный, честный.

– Я вижу, как он смотрит на тебя, Кэти. А ты так юна, так прекрасна и так... жаждешь. – Он замолчал и покраснел, виновато оглянувшись. – Мне неловко тебя спрашивать, он ведь так много сделал для нас, но до сих пор иногда я думаю, что он принял нас только потому... ну, только из-за тебя. Потому что он захотел тебя!

– Крис, он на двадцать пять лет старше. Как ты можешь так думать?

Крис облегченно вздохнул.

– Ты права, – сказал он. – Ты его воспитанница, и ты слишком мала. Должно быть, в его больницах множество красоток, которые счастливы провести с ним время. И ты в полной безопасности.

Улыбнувшись, он легко обнял меня и прижал свои губы к моим. Короткий, нежный поцелуй «прощай-ненадолго».

– Прости меня за рождественскую ночь.

Когда я повернулась, чтобы уйти, мое сердце было разбито. Как я буду жить без него? Вот что еще она сделала с нами: заставила полюбить друг друга слишком сильно и такой любовью, какой мы не должны были любить друг друга. Это она виновата, во всем виновата она! Все плохое в нашей жизни пошло от нее!

– Не переутомляйся, Крис, не то скоро тебе придет-

ся надеть очки!

Он усмехнулся, обещал и помахал рукой, прощаясь. Почему-то никто из нас не мог произнести «до свидания». И я почти убежала со слезами на глазах через длинный-длинный холл к выходу, на яркий солнечный свет. Страшно подавленная, я рухнула на сиденье белой машины Пола и всхлипнула, совсем как Кэрри.

Вдруг ниоткуда появился Пол и занял место за рулем. Включил зажигание, развернулся и снова выехал на шоссе. Он не заметил моих покрасневших глаз и скомканного носового платка, который я зажала в кулаке, потому что слезы были близко. Он не спросил, почему я так тихо сижу, хотя обычно я ерзала, вертелась и болтала чепуху, только чтобы не слушать тишину. Тишину, молчание. Слушать, как падают пылинки, прислушиваться к скрипам в доме. Мрачные воспоминания о чердаке.

Сильные, ухоженные руки Пола вели машину искусно и без напряжения; сам он, казалось, совершенно расслабился. Я изучала эти руки: посмотрев мужчине в глаза, я тотчас обращаю внимание на его руки. Потом перевела взгляд на его ноги. Синие трикотажные брюки плотно, может быть, слишком плотно облегли его сильные красивые бедра. Я забыла о печали, унынии и ощутила прилив чувственности.

По обочинам широкой черной дороги росли гигантские деревья, старые, толстые, с искривленными сучьями.

– Магнолии, – сказал Пол. – Жаль, что сейчас они не цветут, впрочем, наши зимы коротки. Скоро зацветут. Запомни только одно: никогда не дотрагивайся до цветка магнолии и не дыши на него, не то он съежится и умрет.

Он с усмешкой посмотрел на меня, так что я не поняла, правду он говорит или нет.

– Пока ты, твои сестра и брат не пришли ко мне, я боялся поворачивать на свою улицу, так я был одинок. Теперь я еду домой с радостью. Благодарю тебя, Кэти, за то, что ты восток и север превратила в юг.

Приехав домой, Пол направился на прием, а я к себе наверх, в надежде справиться с одиночеством упражнениями у стенки. Пол не пришел домой к обеду, и от этого мне стало еще хуже. Не появился он и после обеда, так что я рано легла спать. Совсем одна. Я была совсем одна. Кэрри уехала. Моя опора Кристофер Долл тоже уехал. Впервые в жизни мы будем спать под разными крышами. Я скучала по Кэрри. Мне было плохо, страшно. Мне нужен был хоть кто-нибудь! Безмолвие дома и глубокая ночная тьма подавляли меня, хотелось плакать. (Одна, одна, совсем одна, и никому ты не нужна.) Я подумала, не поест ли мне, и по-

жалела, что ничего нет под рукой. Потом вспомнила о горячем молоке: считается, что оно помогает заснуть, а заснуть – это то, что было мне сейчас необходимо.

Я – обольстительница?

Гостиную мягко освещали отблески пламени. В камине тлели подернутые серым пеплом дрова, и Пол, завернувшись в теплый красный халат, медленно покуривал трубку в кресле с высокой спинкой. Я смотрела на его затылок в клубях табачного дыма. Вот кто мне нужен: он так же тоскует, томится и жаждет тепла, как я! И, как последняя дурочка, бесшумно, босиком я двинулась к нему. До чего же мило, что он так быстро надел наш подарок! На мне тоже был его подарок – легкий бирюзовый пеньюар из воздушной материи поверх ночной рубашки того же цвета.

Увидев меня среди ночи рядом, он не заговорил, не разрушил чар, которые непонятным образом связывали нас, две тоскующие души.

Я многого не знала о себе, и я не понимала, что мною двигало, когда я подняла руку и погладила его по щеке. Щека была шершавая, словно ему пора было бриться. Он повернулся ко мне, откинув голову на спинку кресла.

– Зачем ты меня трогаешь, Кэтрин?

Вопрос прозвучал сухо и холодно, я бы обиделась, если бы не его глаза, огромные, прозрачные озера нежности и желания, а я знала, что такое желание, хо-

тя видела его в других, не в этих глазах.

– Вы не любите, когда вас трогают?

– Но не соблазнительная же девушка в прозрачных одеждах, на двадцать пять лет моложе меня.

– На двадцать четыре с половиной года моложе, – уточнила я. – А моя бабушка со стороны матери шестнадцати лет вышла замуж за пятидесятипятилетнего мужчину.

– Ну и дура, и он тоже.

– Мама говорила, что она стала ему хорошей женой, – неубедительно возразила я.

– Почему ты не в своей постели? – строго спросил он.

– Не могу заснуть. Наверное, волнуясь, как будет завтра в школе.

– Тем более нужно спать, чтобы завтра быть в форме.

Я уже совсем собралась уйти, движимая мыслью о горячем молоке, но в голове у меня были и другие мысли, гораздо более соблазнительные.

– Доктор Пол.

– Терпеть не могу, когда ты меня так называешь! – перебил он. – Называй меня просто по имени или вообще никак не называй.

– Мне казалось, я выказываю вам уважение, которого вы заслуживаете.

– К черту уважение! Я ничем не отличаюсь от остальных мужчин. «Доктор» – это не обязательно, Кэтрин.

– Почему вы зовете меня Кэтрин?

– А почему бы мне не звать тебя Кэтрин? Это твое имя, и звучит это более взросло, чем Кэти.

– Минуту назад, когда я коснулась вашей щеки, вы смотрели на меня так, словно вы не хотите, чтобы я была взрослой.

– Ты ведьма. В мгновение ока ты превращаешься из наивной девочки в соблазнительную, влекущую женщину, женщину, которая отлично знает, что делает, кладя мне руку на щеку.

Я старалась избегать его настойчивого взгляда, от которого мне сделалось жарко и неловко. Хорошо бы сейчас оказаться уже на кухне! Я разглядывала книги на полках, скульптурные миниатюры, которые Пол, похоже, коллекционировал. Куда бы ни падал мой взгляд, все говорило, что больше всего мой опекун ценит красоту во всех ее проявлениях.

– Кэтрин, я хочу спросить тебя. Это не мое дело, но я должен тебя спросить. Что было между тобой и твоим братом?

Колени мои подкосились. О господи, неужели по нашим лицам все было понятно? Почему он спрашивает? Это абсолютно не его дело. Он не имеет права

задавать такие вопросы.

Мне не следовало отвечать ему, однако здравый смысл и трезвость суждений изменили мне, и я заговорила:

– Вас шокирует, если я скажу, что когда мы четверо были заперты в одной комнате, и нам некуда было деваться друг от друга, и каждый день тянулся как вечность, то мы с Крисом не всегда смотрели друг на друга как брат и сестра? На чердаке он сделал мне станок, чтобы я могла развивать мускулы, не теряя надежды стать когда-нибудь балериной. Я танцевала на гнилых досках, а он занимался, штудировал старые энциклопедии. Он слышал музыку, под которую я танцевала, и подолгу незаметно смотрел на меня.

– Продолжай, – приказал Пол, когда я замолчала, уйдя в прошлое и забыв о нем.

Я стояла, опустив голову, и тогда он вдруг подался вперед, схватил меня и посадил к себе на колени.

– Расскажи мне остальное.

Я не хотела говорить. Его взгляд стал обжигающе-требовательным. Таким я его еще не видела. И, проглотив комок в горле, я продолжала:

– Музыка всегда сильно на меня действовала, даже когда я была совсем маленькая. Музыка словно подхватывала меня, поднимала ввысь и заставляла танцевать. И спуститься с такой высоты можно было,

только полюбив кого-то. А если спускаешься, ощущаешь ногами пол и некого любить, то приходит такая опустошенность и потерянности.

– И так ты танцевала на чердаке, пребывая в мире грез, а спускаясь на землю, обнаруживала, что единственный, кого можно полюбить, – твой брат? – с холодным бешенством сказал он, испепеляя меня взглядом. – Правильно? И ты полюбила его не той любовью, какой любила близнецов, правда? Тем ты была как мать, я знаю. Это было понятно всякий раз, когда ты смотрела на Кэрри или произносила имя Кори. Но какой любовью ты любила Кристофера? Материнской? Сестринской? Или...

Его лицо налилось краской, он встряхнул меня.

– Что ты делала со своим братом, когда вы жили там взаперти, оставаясь с ним наедине?

В панике я трянула головой и сбросила с плеч его руки.

– Мы с Крисом не делали ничего плохого!

– Не делали ничего плохого! – взорвался он. Добрый, мягкий человек, которого я знала, неузнаваемо изменился: теперь он внушал мне страх. – Как, черт возьми, это понимать?

– Нечего вам понимать! – Его гнев вызвал во мне ответный, столь же сильный. – Вы обвиняете меня в том, что я вас соблазняю. Посмотрите на себя: вы си-

дите и ловите каждое мое движение, вы раздеваете меня глазами! Глазами вы кладете меня в постель! Под разговоры о балетной школе вы услали моего брата в колледж, подальше, и само собой разумеется, что рано или поздно вы потребуете платы за все, и я знаю, какой именно платы!

Я распахнула пеньюар, открыв низко вырезанный лиф ночной рубашки цвета морской волны.

– Посмотрите, что вы мне подарили! Разве это ночная рубашка для пятнадцатилетней девочки? Нет! Такие рубашки надевают в первую брачную ночь! А вы подарили ее мне и видели, как Крис нахмурился, но даже не покраснели!

Его смех испугал меня. Я уловила запах крепкого красного вина, которое он обычно пил перед сном. Он горячо дышал мне в лицо, я видела каждый темный волосок, растущий из его щеки, так близко он был. Я подумала, что это вино так изменило его. Все дело в вине. У него на коленях могла бы оказаться любая женщина, любая! Он медленно трогал мои соски, то один, то другой, потом опустил руку в вырез и стал ласкать мои груди, которые напряглись и отвердели от этой неожиданной ласки, и вот уже я задышала так же тяжело и часто, как и он.

– Я хочу увидеть тебя, Кэтрин, – услышала я его дразнящий шепот. – Можешь ты раздеться ради меня,

посидеть обнаженной у меня на коленях и позволить мне делать с тобой все, что я хочу? Или ты разобьешь о мою голову этот кубок венецианского стекла?

Вдруг он очнулся и, с ужасом обнаружив мою левую грудь в своей руке, отдернул руку, словно моя плоть жгла его. Он закутал меня в пеньюар, желая спрятать все то, что минуту назад так жадно пожирал глазами. Глядя на мои полуоткрытые в ожидании поцелуя губы, он понял, что потерял контроль над собой. И тут снаружи раздался удар грома и вспыхнула молния. Я вскочила и закричала.

Как только он убрал руку и стряхнул с себя наваждение, он сразу стал таким же, как всегда, – невозмутимым, одиноким, умеющим держать себя в руках. Я почувствовала это сразу, еще до того, как он рывкнул:

– Какого черта ты сидишь полуголая у меня на коленях и позволяешь мне все это?

Я не ответила. Ему было стыдно. В угасающем свете камина при редких вспышках пламени видно было, что он призывает на свою голову все возможные проклятия и жестоко казнит себя. Но я-то знала, что это я виновата, как всегда виновата была я.

– Прости меня, Кэтрин. Я не понимаю, что меня заставило так себя вести.

– Я вас прощаю.

– Почему ты меня прощаешь?

– Потому что я люблю вас.

Он отвернулся, в профиль я не могла видеть его глаз.

– Ты не любишь меня, – устало сказал он. – Ты просто благодарна мне за все, что я сделал.

– Я люблю тебя, и я твоя, когда бы ты меня ни захотел. Ты можешь сказать, что не любишь меня, но это будет ложью, потому что каждый раз, когда ты смотришь на меня, я вижу любовь в твоих глазах. – Я снова прижалась к нему и повернула к себе его лицо. – После того как мама меня бросила, я поклялась, что, когда я буду свободна и ко мне придет любовь и позовет меня, я открою двери и впущу ее. Я сразу прочла любовь в твоих глазах. Ты не должен на мне жениться, просто люби меня, когда тебе это нужно.

Он обнял меня, и мы смотрели, как за окном бушует буря. Зима боролась с весной. Выл ветер, гремел гром, сверкали молнии, но меня не покидало такое чувство, что все правильно. Мы с ним были очень похожи.

– Почему ты меня не боишься? – мягко спросил он, глядя мои волосы. – Ты же знаешь, все это нельзя, нельзя позволять мне касаться тебя.

– Пол, – с трудом начала я. – Я не испорченная, и Крис тоже. Когда мы жили взаперти, мы не делали

ничего плохого. Но мы все время были в одной комнате, и мы росли и взрослели. У бабушки был список правил для нас, он запрещал нам даже смотреть друг на друга, и теперь я понимаю почему. Но наши глаза встречались так часто, и без единого слова он умел утешить меня, и я его тоже. Это не дурно, правда же?

– Я не должен был спрашивать. Разумеется, вы не могли не смотреть друг на друга. Для чего же даны человеку глаза?

– Прожив так долго взаперти, я почти ничего не знаю о других девочках моего возраста, но красота во всех ее проявлениях влекла меня, сколько я себя помню, с тех пор как я пешком под стол ходила. Игра солнечного света в лепестках розы, или лист дерева на просвет со всеми его жилочками, или радужные пятна бензина в дождь на дороге – все это казалось мне прекрасным. И когда звучала музыка, особенно моя любимая, балетная музыка, она заменяла мне все, даже солнце, цветы и свежий ветер. Я уносилась душой в волшебные мраморные дворцы или в леса, где была дикой и свободной. Этим я жила на чердаке, и со мной всегда танцевал темноволосый человек. Мы не могли коснуться друг друга, как ни старались. Я не видела его лица, как ни пыталась. Однажды я назвала его по имени, но, когда очнулась, имени вспомнить не могла. Я думаю, что на самом деле я люблю его, кем бы он ни

был. И всегда, когда я вижу темноволосого человека, который изящно движется, мне кажется, что это он.

Он кашлянул и погрузил длинные пальцы в мои распущенные волосы.

– Боже, какая ты романтическая натура.

– Ты смеешься надо мной. Ты думаешь, что я еще ребенок? Ты думаешь, что если ты меня поцелуешь, то это тебя не взволнует?

Он усмехнулся, принял вызов и медленно, очень медленно наклонил голову, и его губы встретились с моими. О! Каким он был, мой первый в жизни поцелуй с чужим! словно электрические разряды пронзили наше объятие, и все нервные окончания, о существовании которых «ребенок» моего возраста не должен бы и подозревать, затрепетали во мне. Испугавшись самой себя, я резко отпрянула. Как я развратна, нечиста; я – дьяволово отродье!

Крис был бы потрясен!

– Чем мы здесь, к дьяволу, занимаемся? – рявкнул Пол, стряхивая мои чары. – Что за чертенок сидит в тебе, отчего я тебя трогаю и целую? Ты очень красива, Кэтрин, но ты еще ребенок. – Он подумал, что понял мотивы, двигавшие мною, и помрачнел. – И заруби на своем хорошеньком носике: ты ничего не должна мне, ни-че-го! Все, что я сделал для тебя, для твоего брата и сестры, я сделал по своей воле, с радостью, не

ожидая никакой платы, ни в какой форме! Понятно?

– Но... но... – забормотала я. – Я ненавижу, когда ночью льет дождь и воет ветер. И только здесь, с тобой, у огня, я перестала чувствовать себя брошенной и беззащитной.

– Ты чувствуешь себя в безопасности, когда ты со мной? – усмехнулся он. – Ты чувствуешь себя в безопасности, сидя у меня на коленях, когда мы вот так целуемся? Из чего же я, по-твоему, сделан?

– Как и все остальные мужчины, только ты лучше.

– Кэтрин, – сказал Пол уже мягче и добрее. – Я совершил столько ошибок в своей жизни, и вы трое дадите мне возможность исправить их. И если я посмею еще хоть раз прикоснуться к тебе, немедленно зови на помощь! А если никто не прибежит, то бросайся в другую комнату или хватай что-нибудь потяжелее и немедленно швыряй мне в голову!

– О, – прошептала я. – А я думала, ты меня любишь!

По моим щекам покатались слезы. Я чувствовала себя как обманутый ребенок. Как глупо было думать, что любовь стучится в мою дверь!

Пол осторожно поставил меня на ноги, но, держа за талию, продолжал смотреть мне в лицо.

– Боже мой, как ты прекрасна и желанна, – со вздохом сожаления сказал он. – Не искушай меня слишком, Кэтрин, для твоего же блага.

– Ты даже не должен любить меня. – Я опустила голову, волосы упали на лицо, и, спрятавшись за ними, я бесстыдно произнесла: – Пользуйся мною, когда захочешь, и этого довольно.

Он снял руки с моей талии и откинулся в кресле.

– Кэтрин, чтобы я больше не слышал от тебя подобных вещей! Ты живешь в воображаемом мире, далеко от реальности. А когда маленькие девочки начинают играть во взрослые игры, им очень легко обжечься. Сохрани себя для того, за кого выйдешь замуж, но, ради бога, сначала подрасти. Не стремись лечь в постель с первым, кто тебя пожелает.

Я выпрямилась, глядя, как он встает и отходит на расстояние вытянутой руки.

– Прекрасное дитя, глаза всего Клермонта устремлены на нас в ожидании скандала. Моя репутация дорога мне. Так что ради сохранения моей медицинской практики и чистой совести, ради спасения моей души – держись от меня подальше. Я не святой, я всего лишь мужчина.

Оскорбленная, я отвернулась и взбежала по лестнице, словно за мной гнались. В конце концов, не о таком мужчине я мечтала. Отнюдь не он, врач, исполнит мою мечту о верной, преданной, вечно юной романтической любви!

Школа, в которую устроил меня Пол, была большая, современная, с плавательным бассейном. Мои одноклассники нашли, что я хорошо выгляжу, а говорю забавно, как янки, и посмеивались над моим «акцентом». А я не люблю, когда надо мной смеются. Я не люблю быть другой. Я хотела быть как все, но, сколько бы я ни старалась, все равно выходило, что я отличаюсь от остальных, что я другая. Да и могло ли быть иначе? Она сделала меня другой. Я понимала, что Крис тоже одинок в своем колледже, потому что он тоже другой в этом мире, который легко обойдется без нас. Я боялась за Кэрри, как там она в школе, она ведь тоже другая. Будь ты проклята, мама, ты столько сделала, чтобы отлучить нас от мира, и теперь мы не можем слиться с толпой, говорить как все, думать как все. Я была аутсайдером, и мои одноклассники при каждом удобном случае давали мне это понять.

И только в балетной школе я чувствовала себя на своем месте. Сразу после уроков я садилась на автобус и ехала заниматься балетом; трико и пуанты я носила с собой в портфеле. В раздевалке девочки делились своими тайнами, рассказывали анекдоты и разные пикантные истории, порой весьма непристойные.

Атмосфера вокруг нас была пропитана сексом, секс был повсюду, он горячо и требовательно дышал нам в затылок. По-девчоночьи, дурачась, они обсуждали, следует ли сохранять свои тела в неприкосновенности для будущих мужей, в одежде или без предаваться ласкам или это все равно, как остановить парня, если от «невинных» ласк он слишком уж заведется.

Я не участвовала в этом трепе, потому что чувствовала себя гораздо опытнее. Представляю, как выкатились бы у них глаза, если бы я решилась рассказать о моем прошлом, когда я жила «нигде» и моя любовь пробивалась сквозь бесплодную почву. Я никого не хотела проклинать, кроме одного-единственного человека, по чьей вине все это случилось. Мама!

Однажды, вернувшись домой, я разразилась длинным, ядовитым письмом, но не знала, куда его послать. Я отложила его до тех пор, пока не выясню адрес в Грингленне. Я совсем не хотела, чтобы она знала, где мы живем. Хотя она и получила заявление, но там не было ни имени Пола, ни нашего адреса, только адрес судьи. Но рано или поздно она еще услышит обо мне и пожалеет об этом.

Каждый день занятий мы начинали в толстых шерстяных рейтузах и упражнялись у станка до тех пор, пока кровь в венах не начинала бежать веселее и нам не становилось жарко. Как только мы начинали по-

теть, то сбрасывали их с себя. Хотя мы и закалывали волосы на затылке, как это делали пожилые уборщицы, они тоже скоро становились мокрыми, и нам приходилось принимать душ по два-три раза в день. Даже в субботу мы работали по восемь-десять часов. За станок нельзя было держаться крепко, он служил лишь для того, чтобы сохранять равновесие, учиться владеть телом и быть грациозной. Мы делали pliés, tendus, glissés, fondus и ronds de jambe a terre, и все это было очень нелегко. Порой я чуть не кричала от боли в ногах. Далее следовали frappes, ronds de jambe en l'air, petite и grande battlements, developpes и другие упражнения для разминки, которые должны были сделать наши мышцы длинными, сильными и податливыми. Затем мы выходили в центр зала и повторяли все упражнения там, уже без поддержки.

Но это было еще не самое страшное – потом начиналась настоящая работа, требующая технического мастерства.

Когда меня хвалили, я была на седьмом небе от счастья, так что не зря я танцевала на чердаке, танцевала из последних сил, – вот о чем я думала, приседая и два, и три, и так до бесконечности, а Жорж тем временем барабанил по клавишам старенького пианино. И еще там был Джулиан.

Его почему-то по-прежнему тянуло в Клермонт. Я

считала, что его визиты объясняются эгоистическими причинами, потому что тогда мы садились в кружок на полу, а он танцевал в центре, демонстрируя высочайшую виртуозность и немыслимую скорость вращения. Его прыжки были настолько легки, что казалось, для него не существует притяжения, его grand jetés завершались невероятно мягким приземлением. Зажав меня в углу, он поведал мне, что именно его неповторимый стиль придает представлению особое очарование.

– Послушай, Кэти, считай, что ты вообще не видела балета, пока не посмотришь нью-йоркский балет.

Он зевнул, словно ему все страшно наскучило, и обратил взор своих смелых черных глаз на Норму Белль, одетую, как всегда, в свое коротенькое просвечивающее трико.

Я быстро спросила, почему он так часто приезжает в Клермонт, если считает Нью-Йорк лучшим местом на земле.

– Навестить мать и отца, – ответил он как-то безразлично. – Ты же знаешь, мадам – моя мать.

– О, я этого не знала!

– Ясное дело. Я не очень-то люблю распространяться об этом. – Он улыбнулся порочной улыбкой. – А ты все еще девственница?

Я ответила:

– Не твое дело.

Но он только рассмеялся:

– Ты слишком хороша для этого захоlustья. Ты другая, непохожая на остальных. Не знаю, в чем тут дело, но на твоём фоне другие девчонки выглядят неуклюжими занудами. В чем твой секрет?

– А твой?

Он ухмыльнулся и взял меня за грудь.

– Я великий человек, вот и все. В этом все дело, и скоро весь мир узнает об этом.

Вне себя от негодования, я сбросила его руку, со всей силы наступила ему на ногу и попятилась.

– Прекрати! – выкрикнула я.

Так же неожиданно, как он зажал меня в углу, он потерял ко мне всякий интерес и пошел прочь, а я осталась стоять, глядя ему вслед.

Обычно после занятий я шла домой и весь вечер проводила в обществе Пола. Когда он не был усталым, с ним было очень интересно. Он рассказывал о своих пациентах, не называя имен, вспоминал детство, говорил, что всегда мечтал стать врачом, совсем как Крис. После обеда он уезжал, у него был обход больных в трех окрестных больницах, в том числе и в Грингленне. Чтобы провести время в ожидании его возвращения, я пыталась помогать Хенни. Когда он приезжал, мы либо смотрели телевизор, либо ходили

В кино.

– Пока ты не появилась, я не ходил в кино, – сказал он однажды.

– Никогда? – удивилась я.

– Ну, почти никогда. У меня были определенные привычки, но с тех пор, как ты здесь, у меня совсем нет времени. Просто не знаю, куда оно уходит!

– На разговоры со мной, – кокетливо произнесла я и погладила пальцем его чисто выбритую щеку. – Мне кажется, я знаю о тебе больше, чем о ком-либо еще в мире, за исключением разве что Криса и Кэрри.

– Нет, – сказал он неожиданно сухим тоном. – Я не сказал тебе всего.

– Почему?

– Тебе не надо знать все мои темные секреты.

– Ведь я же открыла тебе свои тайны, и ты не отвернулся от меня.

– Иди спать, Кэтрин!

Я вскочила на ноги, подбежала к нему, поцеловала в щеку и только тут заметила, что он покраснел. Я бросилась вверх. Взбежав по лестнице, я оглянулась: он стоял внизу у перил и смотрел на меня, словно вид моей коротенькой розовой ночной рубашки заворожил его.

– И не бегай по дому в таких вещах! – крикнул он мне. – Надевай халат!

– Доктор, вы же сами купили мне эту одежду! Вот уж не ожидала, что вам нравится, чтобы я прятала свое тело! Я думала, что вам будет приятно увидеть меня в этой рубашке.

– Ты слишком много думаешь!

Утром я вставала очень рано, до шести, чтобы мы могли позавтракать вместе. Ему нравилось, когда я с ним, хотя он и не подавал виду. Но я-то знала! Я околдовала, заморозила его, я теперь хорошо изучила, как быть похожей на маму.

Иногда мне казалось, что он старается меня избегать, но я не давала ему такой возможности. Именно он должен был научить меня тому, что мне необходимо было знать.

Его комната была через холл от моей, но я никогда не решалась пробраться к нему ночью, как, бывало, пробиралась к Крису. Я так скучала по Крису и Кэрри. Когда я просыпалась и вспоминала, что они не рядом со мной, сердце мое пронзала боль. Еще более я переживала оттого, что их не было вместе с нами за завтраком, и если бы со мной не было Пола, то день начинался бы для меня со слез, а не с вымученной улыбки.

– Улыбнись мне, моя Кэтрин, – сказал как-то утром Пол, когда я сидела мрачная над своей овсянкой и яичницей с беконом.

Я подняла глаза, уловив что-то в его голосе, какое-то томление, словно он очень нуждался во мне.

– Никогда больше не называй меня так! – сказала я хрипло. – Крис называл меня «моя леди Кэтрин», и я не хочу, чтобы кто-нибудь другой называл меня своей Кэтрин!

Он ничего не сказал, отложил газету, встал и пошел в гараж. Сейчас он уедет в больницу, потом отправится в другую и в третью, затем вернется домой и будет принимать больных у себя в кабинете, так что я не увижу его до самого обеда. Я так мало видела его; впрочем, я всегда мало бывала с теми, кто мне приятен.

Только по выходным, когда приезжали Крис и Кэри, Пол чувствовал себя в моем обществе менее напряженно. Но стоило им разъехаться по своим школам, как что-то вновь возникало между нами, пробежал какой-то ток, значит, он так же привязан ко мне, как и я к нему! Интересно, с ним происходило то же самое, что и со мной? Все больше и больше привязываясь ко мне, он старался забыть свою Джулию, так же как я старалась выбросить из своего сердца Криса.

Но мои грехи были тяжелее, чем Пола, – по крайней мере, я тогда так думала. Я считала, что я единственное существо на свете с таким темным, грязным прошлым. Мне и в голову не могло прийти, что такой

замечательный, благородный человек, как Пол, тоже имеет небезупречную репутацию.

* * *

Не прошло и двух недель, как из Нью-Йорка опять прилетел Джулиан. На этот раз он не стал скрывать, что приехал специально, чтобы увидеть меня. Я была польщена и смущена, поскольку он уже завоевал признание, а я была лишь в самом начале пути. Он заявился ко мне на старом потрепанном автомобиле, который не стоил ему практически ничего, за исключением вложенного труда, поскольку все части для него Джулиан нашел на свалке.

– На первом месте у меня, конечно, балет, но в свободное время я люблю возиться с машинами, – объяснил он, подвозя меня домой после занятий. – Когда я разбогатею, то обзаведусь целым парком роскошных машин, куплю три или четыре, а может, и все семь, по одной на каждый день недели.

Я рассмеялась: мне показалось, что это настолько некрасиво, нарочито.

– Неужели за танцы так много платят? – поинтересовалась я.

– Будут платить, когда я стану известным, – откровенно ответил он.

Мне пришлось повернуть голову и посмотреть на его красивый профиль. Если рассматривать его черты одну отдельно от другой, то, конечно, можно было найти недостатки. Нос мог бы быть и более правильной формы, и цвет лица мог быть поярче, и губы у него были слишком полными и красными, чересчур чувственными. Но если не придирааться к мелочам, он выглядел потрясающе.

– Кэти, – начал он, одарив меня долгим взглядом, пока его автомобиль пыхтел и задыхался, – тебе понравится Нью-Йорк. Там так много можно сделать, увидеть, испытать. Этот врач, с которым ты живешь, он ведь не твой родной отец, так что тебе не нужно сидеть рядом с ним, только чтобы сделать ему приятное. Давай переезжай в Нью-Йорк как можно скорее!

Он обнял меня за плечи и притянул к себе.

– А какой дуэт из нас выйдет, ты просто не представляешь! – произнес он вкрадчиво, сладко и стал рисовать мне впечатляющие картины нашей жизни в Нью-Йорке.

Он ясно дал мне понять, что я буду находиться под его покровительством и в его постели.

– Но ведь я совсем тебя не знаю, – ответила я, отодвигаясь от него. – Я не знаю, как ты жил раньше, а ты не знаешь, что было со мной. У нас с тобой нет ничего общего, и хотя мне льстит твое внимание, я все

же тебя боюсь.

– Почему? Я не стану тебя насилловать.

Я просто возненавидела его за эти слова! Не насилия я боялась. Я сама не отдавала себе отчет, что именно в нем пугает меня, разве что, находясь в его обществе, я боялась самой себя.

– Расскажи мне о себе, Джулиан Марке. О своем детстве, о родителях. Поведай, почему ты считаешь себя подарком судьбы для всего мирового балета и к тому же для каждой девушки, с которой тебя сводит судьба!

Он автоматически закурил, хотя ему не следовало этого делать.

– Пойдем сегодня вечером со мной, и я отвечу на все твои вопросы.

Мы подъехали к большому дому на Белльфер-драйв. Джулиан остановил машину перед входом, и я взглянула на окна, светившиеся мягким светом в розовом сумеречном сиянии. Я с трудом различила темную тень Хенни, выглянувшей посмотреть, кто это подъехал к ее дому. Я подумала о Поле и одновременно о Крисе, моей лучшей половине. Одобрит ли Крис Джулиана? Вряд ли, решила я, но все же согласилась пойти с Джулианом на свидание.

Мое первое свидание

Я никак не решалась заговорить с Полом о Джулиане. Был вечер субботы, Крис и Кэрри были дома, и, по правде говоря, я бы так же охотно пошла в кино с ними и с Полом. Я с трудом заставила себя сказать, что у меня свидание с Джулианом Марке.

– Сегодня вечером, ты ведь не возражаешь, Пол?

Он бросил на меня усталый взгляд и слабо улыбнулся:

– Знаешь, я думаю, тебе давно пора ходить на свидания. Он ведь не намного старше?

– Нет, – прошептала я, очень разочарованная тем, что он не стал возражать.

* * *

Джулиан явился ровно в восемь. В новом костюме, начищенных до блеска ботинках, с прилизанными волосами и безукоризненными манерами он был непохож сам на себя. Он пожал руку Полу, поцеловал Кэрри в щечку. Крис пораженно уставился на него. Когда я говорила Полу о свидании, эти двое катались на велосипедах, и, когда Джулиан подавал мне мое новое пальто, я почувствовала, что Крис всего этого не одоб-

ряет.

Джулиан отвез меня в какой-то изысканный ресторан, где мерцали разноцветные огни и играла рок-музыка. Он на удивление уверенно просмотрел карту вин, потом попробовал то, что принес официант, и, кивнув головой, сказал, что это подойдет. Для меня все это было так ново, и я ужасно нервничала, боялась сделать что-нибудь не так. Джулиан подал мне меню. Руки у меня дрожали, поэтому я вернула ему меню и попросила, чтобы он выбрал сам. Я не читала по-французски, а он, должно быть, умел, судя по тому, как быстро он выбрал, что мы будем есть. Подали салат, потом горячее, и все было очень вкусно, как он и обещал.

На мне было новое платье с глубоким вырезом, слишком взрослое для меня. Мне хотелось выглядеть опытной и искушенной, хотя на самом деле я такой не была.

– Ты очень красивая, – сказал он как раз тогда, когда я подумала то же самое о нем. У меня защемило сердце, как будто я кого-то предала. – Слишком красивая. Ты достойна большего, чем торчать годами здесь, в Хиктауне, и позволять моей матери эксплуатировать твой талант. Я вовсе не солист, как я говорил тебе раньше, Кэти. Я просто танцовщик кордебалета. Тогда я лишь хотел произвести на тебя впе-

чатление, но уверен, если бы ты была со мной, была бы моей партнершей, вдвоем мы бы достигли многого. Между нами возникает некая магическая связь, я не чувствую ее с другими. Конечно, начинать надо с кордебалета. Но скоро мадам Золта поймет, что твой талант больше твоего возраста и опыта. Она, конечно, старая карга, но совсем не дура. Кэти, я танцевал до изнеможения, чтобы попасть туда, но тебе я смогу помочь. С моей поддержкой дело у тебя пойдет быстрее. Из нас двоих выйдет отличная команда. Ты такая светлая, я – темный, мы дополняем друг друга, отличный контраст!

Он все говорил и говорил, почти убедив меня, что я уже великая, и вдруг где-то глубоко внутри я поняла, что я вовсе не такая исключительная, да и для Нью-Йорка не гожусь. А еще был Крис, которого я бы не смогла видеть, уехав в Нью-Йорк, и Кэрри, которой я была нужна на выходные. И Пол для чего-то был необходим в моей жизни, я это знала точно. Только вот для чего?

Джулиан поил-кормил меня, потом вывел танцевать. И мы начали танцевать рок, какого здесь никто и не видывал. Все расступились, чтобы посмотреть на нас, а потом даже захлопали. У меня кружилась голова и от его близости, и от выпитого вина. По дороге домой Джулиан заехал в уединенный проулок, где

обычно влюбленные пары выясняют свои отношения. Для меня все это было внове, и я не была готова к такому бурному натиску.

– Кэти, Кэти, Кэти, – шептал он, целуя меня в шею и за ушами, пока рука его подбиралась к моему бедру.

– Прекрати! – закричала я. – Не надо! Я же тебя почти не знаю! Не торопись!

– Ты ведешь себя как ребенок, – обиженно сказал он. – Я специально прилетел из Нью-Йорка, чтобы побыть с тобой, а ты даже не даешь себя поцеловать.

– Джулиан! – взорвалась я. – Отвези меня домой!

– Ребенок, – сердито пробормотал он и включил зажигание. – Просто чертовски хорошенький ребенок, лишь бы помучить и подразнить. Пойми ты наконец, я долго ждать не буду.

Он уже был частью моего мира, сияющего мира праздника и танца, и я вдруг испугалась, что потеряю его.

– Почему ты зовешь себя Марке, хотя у твоего отца фамилия Розенков? – спросила я, выключая зажигание.

Он с улыбкой откинулся на спинку кресла и повернулся ко мне.

– Ну хорошо, давай поговорим. Я думаю, мы с тобой очень похожи, правда, ты этого признавать не желаешь. Мадам и Жорж – мои отец и мать, но они ни-

когда не видели во мне сына, особенно отец. Для отца я просто продолжение его самого. Если я стану великим танцовщиком, в этом не будет моей заслуги, это произойдет лишь благодаря тому, что я его сын и ношу его имя. Я положил этому конец, изменив имя. Я его придумал, так поступают все артисты, беря псевдоним. Знаешь, в скольких бейсбольных матчах я участвовал? Ни в одном! Они мне не позволяли. О футболе не могло быть и речи. К тому же они заставляли меня столько заниматься станком, что ни на что другое у меня уже не было сил. Когда я был маленьким, Жорж не разрешал мне называть его папой. А позже я и сам бы его так не назвал, даже если бы он молил меня об этом на коленях. Я лез из шкуры вон, чтобы угодить ему, но все было бесполезно. Он всегда находил какой-нибудь недочет, какую-нибудь ошибку, мне никак не удавалось достичь совершенства. Но когда я добьюсь своего, я сделаю это сам, и никто не узнает, что он мой отец. Или что Мариша – моя мать. Поэтому не болтай об этом всему классу. Они ничего не знают. Забавно, правда? Я бесился, если он только упоминал о том, что у него есть сын, и отказывался танцевать. Это его просто убивало, и он отпустил меня в Нью-Йорк, решив, что без его имени у меня ничего не получится. Но у меня получилось и без его помощи. Думаю, это его и добило. А теперь расскажи мне о се-

бе. Почему ты живешь у этого доктора, а не со своими родителями?

– Мои родители умерли, – ответила я, раздраженная его вопросом. – Доктор Пол был другом моего отца, поэтому он и взял нас к себе. Он пожалел нас и не захотел отдавать в приют.

– Повезло вам, – сказал Джулиан довольно кисло. – Мне так никогда не везло.

Потом он наклонился, наши лбы соприкоснулись, а губы находились совсем близко. Я даже почувствовала его горячее дыхание.

– Кэти, я не хочу сказать тебе или сделать что-нибудь плохое. Я хочу, чтобы ты была самым лучшим и светлым в моей жизни. Я тринадцатый в роду танцовщиков, и большинство из них женились на балеринах. Как ты думаешь, каково мне от этого? Можешь мне поверить, счастья в этом мало. Я в Нью-Йорке с восемнадцати лет, а в феврале мне исполнилось двадцать. Прошло уже два года, а звездой я так и не стал. С тобой бы стал. Мне надо доказать Жоржу, что я – лучший и лучше, чем он был когда-то. Я никому этого раньше не рассказывал, но в детстве я повредил спину, пытаюсь приподнять слишком тяжелый мотор. Спина меня все время беспокоит, но я продолжаю танцевать. И все это не потому, что ты маленькая и легкая. Я знаю танцовщиц меньше и легче, но твои

пропорции почему-то помогают мне держать равновесие, когда я тебя поднимаю. Или, может, ты умеешь приладиться к моим рукам. Что бы это ни было, ты подходишь мне, как никто. Кэти, пожалуйста, поезжай со мной в Нью-Йорк.

– Если я соглашусь, обещаю, что не воспользуюсь этим тебе во вред.

– Я буду твоим ангелом-хранителем.

– Нью-Йорк такой огромный...

– Я знаю его как свои пять пальцев. И ты скоро узнаешь.

– Есть еще мои сестра и брат. Я пока что не хочу их оставлять.

– Рано или поздно придется. Чем дольше ты будешь с ними, тем труднее будет разлука. Взрослей, Кэти, будь самостоятельной личностью. У тебя ничего не выйдет, пока ты живешь дома и позволяешь другим собой управлять. – Он с горькой улыбкой посмотрел в сторону.

– Может быть. Но мне надо еще подумать.

* * *

Когда я поднялась наверх, Крис сидел на веранде около моей комнаты. Я увидела, как он сидит в пижаме, с опущенными плечами, и меня тут же потянуло

к нему.

– Ну, как все прошло? – спросил он, не глядя на меня.

От волнения я не знала, куда девать руки.

– Наверное, нормально. За ужином мы пили вино. По-моему, Джулиан немножко захмелел. Кажется, я тоже.

Крис повернулся и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Кэти, мне он не нравится! Пусть отправляется в Нью-Йорк и оставит тебя в покое. По разговорам ребят из вашей труппы я понял, что Джулиан заявил на тебя права, поэтому никакой другой танцовщик не будет тебя приглашать. Кэти, он же из Нью-Йорка. Эти парни скоры на руку, а тебе ведь только пятнадцать. – Он подошел ко мне и крепко обнял.

– Кто твоя девушка? – спросила я, чуть не плача. – Только не говори, что у тебя никого нет.

Он прижался ко мне щекой и медленно произнес:

– Никакие девушки не идут в сравнение с тобой.

– Как твоя учеба? – спросила я, надеясь сменить тему.

– Отлично. Когда не думаю обо всем, что мне предстоит на первом курсе медицинской школы: общая анатомия, микроанатомия и нейроанатомия, то готовлюсь к поступлению в колледж.

– А что ты делаешь в свободное время?

– Какое свободное время? Его и не остается, все уходит на беспокойство о тебе и твоих делах. Мне нравится школа, Кэти. Я был бы просто счастлив, если бы постоянно не думал о тебе. Я жду не дождусь выходных, когда наконец могу увидеться с тобой и Кэрри.

– Ой, Крис. Ты должен постараться забыть меня и найти кого-нибудь другого.

Но одного взгляда в его измученные глаза было достаточно, чтобы понять: то, что началось так давно, остановить непросто.

Мне надо было найти кого-то еще, чтобы он знал: между нами все кончено, кончено навсегда. Мысли мои обратились к Джулиану, который из кожи вон лез, чтобы доказать, что он лучший танцовщик, чем его отец. Совсем как я, которой во всем нужно было быть лучше матери.

Когда Джулиан прилетел в следующий раз, я была готова. Он назначил мне свидание, и я уже не колебалась. Этот так этот; у нас были одни цели. Мы пошли в кино, потом в клубе я выпила сока, а он – пива, затем он опять заехал в проулок влюбленных (кажется, такой есть в каждом городе). На этот раз я позволила ему не только целовать меня, но он слишком скоро задышал горячо и часто и стал ласкать меня с таким

умением, что я стала отзывать на его ласки помимо своей воли. Джулиан повалил меня на сиденье. Внезапно я поняла, что он собирается делать, схватила свою сумочку и начала колотить его по лицу.

– Прекрати! Я же говорила тебе, не торопись!

– Сама напросилась! – рассвирепел он. – Сначала заводишь меня, а потом – отбой! Ненавижу, когда меня дразнят!

Я подумала о Крисе и заплакала.

– Ну пожалуйста, Джулиан. Ты мне нравишься, правда нравишься. Но ты не даешь мне времени в тебя влюбиться. Не надо со мной так быстро.

Он схватил мою руку и так беспощадно заломил ее за спину, что я закричала от боли. Я думала, он собирается ее сломать. Но он отпустил ее, когда я уже была готова визжать.

– Послушай, Кэти. Я уже почти влюбился в тебя. Но никакой девчонке не удастся вертеть мной, как деревенским простофилей. Найдется полно других, которые ни в чем мне не откажут, так что ты мне не так уж и нужна, обойдусь!

Конечно, я ему была не нужна. Я не была нужна никому, кроме Криса и Кэрри, хотя Крису я была нужна так, как не следует. Мама его испортила, изуродовала, бросила на меня, и теперь он уже не мог без меня. Этого я ей простить не могла. Она должна была

заплатить за все то, что совершила. Если мы и согрешили, это она нас заставила.

* * *

Всю ночь я думала о том, как заставить маму расплатиться за содеянное, и наконец поняла, какую назначить цену. Не деньги, нет, у нее их было слишком много. Это должно было быть что-то, что она ценила дороже денег. Две вещи: ее репутация, уже подмоченная браком с наполовину дядей, и ее молодой муж. Я собиралась расправиться и с тем, и с другим.

Потом я заплакала. Я плакала о Крисе, о Кэрри, которая не росла, о Кори, от которого, наверное, остались только кости в могиле.

Я обернулась к Кэрри, хотела обнять ее. Но Кэрри была в частной школе для девочек в десяти милях от города. А Крис – в тридцати.

Пошел сильный дождь. Россыпь ударов по крыше над моей головой была как барабаны войны, зовущие меня в воспоминания, о которых мне хотелось забыть навсегда. Я была пленницей в комнате, забитой игрушками и темной массивной мебелью и увешанной картинами, изображающими ад. Я сидела на старой деревянной качалке, которая почти развалилась, и держала на руках маленького брата, похожего

на призрак, он называл меня мамой, и мы все качались и качались. Скрипели половицы, завывал ветер, стучал по крыше дождь, а за нами, над нами, вокруг нас огромный дом с бесчисленными комнатами только и ждал момента, чтобы нас пожрать.

Я не выносила стука дождя над головой, он напоминал мне о той комнате наверху. Насколько хуже была наша жизнь, когда шел дождь: комната становилась промозглой и сырой, а на чердаке были только тоскливый полумрак и лица мертвецов по стенам. Мою голову сжимало тисками, тяжелыми, как старый чугунный утюг моей бабушки, мысли становились вязкими, и я чувствовала смятение и ужас.

Не в состоянии заснуть, я встала и накинула прозрачный пеньюар. По какой-то непонятной причине я прокралась к спальне Пола и осторожно приоткрыла дверь. Будильник на ночном столике показывал два часа, а Пол все еще не вернулся!

В доме не было никого, кроме Хенни, которая была так далеко, в другом конце дома, в своей комнате у кухни. Я тряхнула головой и опять уставилась на аккуратно застеленную кровать Пола. Сумасшедший Крис тоже хочет стать врачом. Ни одной спокойной ночи! А тут еще и дождь! В дождливые ночи так часто случаются аварии. Что, если Пол погибнет? Что мы тогда будем делать? «Пол, Пол!» – мысленно воскликнула

я и помчалась к лестнице, слетела вниз и бросилась к выходу в сад в гостиной. Я надеялась увидеть белую машину, стоящую на аллее или сворачивающую к дому. «Господи, – молила я, – не дай ему попасть в аварию! Прошу тебя, пожалуйста, не забирай его, как Ты забрал папу».

– Кэти, почему ты не спишь?

Я резко обернулась. Пол сидел, удобно устроившись в своем любимом кресле, и курил в темноте. Я едва разглядела, что он в том самом красном халате, который мы подарили ему на Рождество. Меня захлестнула волна облегчения оттого, что он жив и здоров, а не лежит на столе в морге. Черные мысли. Папа, папа, я почти не помню, как ты выглядел, какой у тебя был голос, и даже твой особенный запах я почти забыла.

– Что-то случилось, Кэтрин?

Случилось? Почему ночью, наедине он называет меня Кэтрин, а днем только Кэти? Да все не так! Грингленнские и виргинские газеты, на которые я подписалась и которые мне доставляли в балетную школу, пестрели сообщениями о том, что миссис Бартоломью Уинслоу собирается обзаводиться вторым «зимним» домом в Грингленне. Делается капитальный ремонт дома ее мужа, и он будет как новый. Все лучшее – моей матери! По какой-то непостижимой

причине я, как фурия, накинулась на Пола.

– Ты давно дома? – резко спросила я. – Я была наверху и так разволновалась за тебя, что не могла заснуть! А ты все это время был здесь! Тебя не было к ужину, ты и вчера не ужинал, вчера ты собирался сводить меня в кино и забыл об этом! Почему ты позволяешь своим пациентам распоряжаться всем своим временем и ничего не оставляешь на собственную жизнь?

Он долго не отвечал. Но едва я открыла рот, чтобы сказать что-то еще, он мягко произнес:

– Ты действительно чем-то огорчена. Наверное, единственное, что я могу сказать в свое оправдание: я врач, а время врача никогда ему не принадлежит. Мне стыдно, что я забыл про кино. Приношу свои извинения, что не позвонил и не предупредил о том, что у меня срочный вызов и я не могу приехать.

– Забыл? Как ты мог забыть? Вчера ты забыл принести то, что я просила купить, а я все ждала тебя, надеясь, что ты все-таки придешь и принесешь шампунь, который был мне нужен, но ты так и не пришел!

– Еще раз приношу извинения. Иногда я думаю о чем-то, кроме кино и необходимой тебе косметики.

– Это ты язвишь?

– Я стараюсь сдерживаться. Было бы очень мило, если бы и ты постаралась.

– Я не сумасшедшая! – завопила я.

Он был так похож на маму, всегда такой сдержанный и уравновешенный! Ему просто было все равно. Поэтому он мог так спокойно сидеть и смотреть. Его не волновало, если он давал обещания и не выполнял их, и ее тоже! Я бросилась на него с кулаками, но он схватил меня за руки и посмотрел на меня с неподдельным удивлением.

– Неужели ты можешь меня ударить, Кэтрин? Неужели для тебя так важно не пропустить кино и ты даже не можешь понять, как я мог забыть? Ну скажи, что тебе стыдно, что ты на меня накричала, ведь я сожалею, что я тебя огорчил.

То, что меня мучило, было больше чем огорчение. Во всем мире не было никого, на кого я могла положиться, – только Крис, запретный для меня. Только Крис никогда не забыл бы, что мне нужно или чего я хочу.

У меня мороз пошел по коже. Что же я за человек? Неужели я, как мама, всегда должна иметь то, что хочу, и немедленно, наплевав на цену, которую должны платить за это остальные? Не собираюсь ли я заставить Пола платить за то, что она сделала? В этом ведь не было его вины.

– Пол, извини, что я на тебя наорала. Я все понимаю.

– Ты, наверное, очень устала. Может, ты слишком серьезно относишься к своим занятиям балетом. Пожалуй, тебе надо немного расслабиться.

Как я могла сказать ему, что я не могу расслабиться? Я должна была быть лучшей, а это значило одно – бесконечные часы работы. Я совершенно серьезно собиралась отказаться от всех развлечений моих сверстниц. Мне не нужен был приятель, который не был танцовщиком. Мне не нужна была подружка, которая не занимается балетом. Я не хотела, чтобы что-нибудь встало между мной и моей целью, и все же, все же напротив сидел и смотрел на меня мужчина, который сказал, что я ему нужна, и которого я обидела своим отвратительным поведением.

– Сегодня я прочла о своей матери, – запинаясь, произнесла я, – и о доме, который она ремонтирует и заново обставляет. Она всегда получает то, чего хочет. Я никогда ничего не получаю. Поэтому я так мерзко веду себя с тобой и забываю обо всем, что ты для меня сделал.

Я отступила на несколько шагов назад, подавленная охватившим меня стыдом.

– Ты давно дома?

– С половины двенадцатого, – ответил Пол. – Я съел салат и жаркое, которое Хенни оставила в духовке. Мне не спится, когда я переутомляюсь. И мне

не нравится стук дождя по крыше.

– Потому что дождь замыкает тебя на твоём одиночестве?

Он улыбнулся:

– Что-то вроде того. Откуда ты знаешь?

Все его чувства были написаны на его лице, таком же тусклом, как свет в комнате. Он думал о ней, о своей Джулии, о своей умершей жене. Он всегда выглядел грустным, когда вспоминал о ней. Я подошла к нему и, повинувшись внезапному желанию, дотронулась до его щеки.

– Зачем ты куришь? Как ты можешь советовать своим пациентам избавиться от этой привычки, когда продолжаешь сам курить?

– Откуда ты знаешь, что я говорю своим пациентам? – спросил Пол тихим голосом, от которого у меня по спине побежали мурашки.

Я нервно засмеялась и сказала, что он не всегда плотно прикрывает дверь своего кабинета и если я бываю в задней комнате, то волей-неволей что-то слышу. Он сказал, чтобы я отправлялась спать и не ошивалась больше в задней комнате, где мне не место, а он будет курить, когда ему захочется.

– Иногда ты ведешь себя как жена: задаешь неподходящие вопросы, сердисься, что я не заехал для тебя в аптеку. Ты уверена, что шампунь был не так уж

необходим?

Я опять почувствовала себя полной идиоткой и опять на него рассердилась.

– Я попросила тебя купить эти вещи только потому, что ты едешь мимо магазина с распродажей, а там все дешевле! Я просто хотела сэкономить деньги! Ну уж теперь я ни за что не попрошу тебя что-нибудь купить! Если ты пригласишь меня поужинать в ресторане или пойти в кино, я буду готова к разочарованию и поэтому не разочаруюсь. Надо приучаться ожидать от всех самого худшего.

– Кэтрин! Можешь меня ненавидеть, если хочешь, можешь заставляя меня расплачиваться за все перенесенные тобой страдания, и тогда, возможно, ты будешь спать по ночам и перестанешь метаться, кричать во сне, звать маму, как трехлетний ребенок.

Пораженная, я уставилась на него.

– Я зову ее?

– Да, – сказал он, – множество раз я слышал, как ты звала свою мать.

Я заметила жалость в его взгляде.

– Не стыдись человеческих чувств в себе, Кэтрин. Мы все ждем от матерей только самого лучшего.

Мне не хотелось говорить о ней, поэтому я подошла поближе.

– Джулиан опять в городе. Вчера ты обо мне забыл,

а сегодня у меня было с ним свидание. Джулиан считает, что я готова к Нью-Йорку. Он думает, что его преподавательница, мадам Золта, лучше, чем его мать, разовьет мои таланты. Он думает, что из нас получится блестящая пара.

– А что думаешь ты?

– По-моему, я еще не готова к Нью-Йорку, – прошептала я, – но он так напирает. Иногда он заставляет и меня поверить, так он сам убежден в этом.

– Не торопись, Кэтрин. Джулиан – привлекательный юноша, но самонадеянности в нем на десятитерых. Положись на свой здравый смысл и не позволяй влиять на себя тому, кто, возможно, просто хочет тебя использовать.

– Каждую ночь мне снится Нью-Йорк, сцена. Я вижу в зале мать, которая смотрит на меня и не верит своим глазам. Она хотела убить меня. Я хочу, чтобы она увидела, как я танцую, и поняла, что я могу дать миру больше, чем она.

Он вздрогнул:

– Почему ты так жаждешь мести? Я думал, что, если я возьму вас троих и сделаю для вас все, что смогу, вы обретете мир и научитесь прощать. Неужели ты не можешь простить и забыть? Если мы, простые люди, и можем очиститься от грехов, то только прощая и не помня зла.

– Ты и Крис, – с горечью сказала я. – Вам легко сказать – простить и забыть, вы ведь не были жертвами, а я была. Я потеряла младшего брата, который был мне как сын. Я любила Кори, а она забрала его жизнь. За это я ее ненавижу! Я ненавижу ее по миллиону причин, поэтому не учи меня прощать и забывать, она должна заплатить за то, что совершила! Она лгла нам, предала нас самым постыдным образом! Она не позволила нам узнать, что дед умер, и продолжала держать нас взаперти девять месяцев, девять долгих месяцев, и все эти бесконечные месяцы мы питались отравленными пончиками! Поэтому ты не смеешь говорить мне «прости и забудь»! Я не знаю, как простить и забыть! Я знаю только, как ненавидеть! А ты и представить не можешь, что такое ненавидеть так!

– Не могу? – спросил он без всякого выражения.

– Не можешь!

Он притянул меня к себе, усадил на колени, и я разрыдалась. Слезы текли ручьями по моему лицу, а Пол утешал меня, как утешал бы отец, легонько целовал и гладил своими большими добрыми руками.

– Кэтрин, у меня тоже есть своя история. В чем-то она так же ужасна, как твоя. Может быть, если я расскажу ее, тебе пригодится что-то из моего опыта.

Я уставилась на него. Он слегка придерживал меня, когда я повернулась.

– Ты хочешь рассказать мне о Джулии и Скотти?

– Да. – В его голосе послышались жесткие нотки.

Взгляд его был устремлен на вымытые дождем окна, а рука его, найдя мою, крепко ее сжала.

– Ты думаешь, только твоя мать совершила преступления против тех, кого она любила, но ты ошибаешься. Это происходит каждый день. Иногда это делается ради денег, но бывают и другие причины. – Он помолчал, вздохнул, а потом продолжил: – Я надеюсь, что, когда ты услышишь мой рассказ, ты отправишься спать и забудешь о мщении. Если нет, ты нанесешь себе такой удар, которого тебе не нанес бы никто.

Я не верила этому, потому что не желала верить. Но мне очень хотелось услышать рассказ о том, как Джулия и Скотти умерли в один день.

Когда Пол начал говорить о Джулии, я боялась услышать конец истории. Я зажмурила глаза и хотела, чтобы и уши мои ничего не слышали: мне не надо было новых мучений, мне хватало одного умершего маленького мальчика. Но Пол делал это ради меня, чтобы спасти меня, как будто что-то могло меня спасти.

– Мы с Джулией были влюблены друг в друга с детства. У нее никогда не было другого парня, а у меня – другой девушки. Джулия принадлежала только мне, и я давал это понять всем остальным. Я нико-

гда не давал ни себе, ни ей возможности узнать, каким может быть общение с другими, и это было ужасной ошибкой. Мы были так глупы, что считали, будто наша любовь продлится вечно. Мы были преданны друг другу, мы писали друг другу письма, хотя она жила в нескольких кварталах от меня. Год от года Джулия становилась все красивее. Я думал, что я самый счастливый парень в мире, а она считала меня совершенством. Каждый из нас возносил другого на пьедестал. Она собиралась стать идеальной женой врача, а я – идеальным мужем, мы хотели иметь троих детей. Джулия была единственным ребенком, и родители ее боготворили. Она обожала отца и говорила, что я похож на него.

Здесь голос его напрягся, как будто он собирался заговорить о чем-то очень болезненном.

– В день ее восемнадцатилетия я надел на палец Джулии обручальное кольцо. Мне тогда было девятнадцать. Когда я был в колледже, я все время думал о ней и о том, какие мужчины обращают на нее внимание. Я боялся, что кто-нибудь уведет ее от меня, если мы не поженимся. Поэтому в девятнадцать лет она вышла за меня замуж. Мне было двадцать.

Слова его звучали горько, взгляд был направлен в пустоту, а руками он крепко вцепился в меня.

– Джулия и я множество раз целовались, всегда

держались за руки, но она никогда не позволяла мне никаких интимных ласк, с этим надо было ждать до свадьбы. У меня был сексуальный опыт, но небольшой. Она была девственницей и думала, что я тоже девственник. Я вполне серьезно относился к брачным клятвам и собирался стать именно тем мужем, который сделает ее счастливой. В нашу брачную ночь она два часа переодевалась в ванной. Она вышла оттуда в длинном белом халате, и лицо ее было белым, как этот халат. Она, без сомнения, была в ужасе. Я убедил себя, что буду таким нежным и любящим, что ей понравится быть моей женой. Ей не понравился секс, Кэти. Я делал все, что мог, чтобы возбудить ее, а она лежала съежившись, с широко открытыми, полными ужаса глазами, и завизжала, когда я попытался снять с нее ночную рубашку. Я прекратил попытки и решил, что попробую снова на следующую ночь, но она умоляла дать ей немного времени. На следующую ночь было то же самое, только хуже. «Почему, ну почему ты не можешь просто лежать рядом и обнимать меня? – спросила она со слезами в голосе. – Почему все должно быть так отвратительно?» Я сам был почти ребенком и не знал, как справиться с такой ситуацией. Я любил ее, я хотел ее, и в конце концов я ее изнасиловал, во всяком случае так она всегда говорила. И все же я любил ее. Я любил ее большую часть своей

жизни и не мог поверить, что сделал неправильный выбор. Поэтому я начал читать все книги об искусстве любви, какие только мог найти, я использовал все возможные приемы, чтобы возбудить ее, чтобы она меня захотела, а это вызывало только отвращение. Закончив медицинский колледж, я начал выпивать и, будучи в таком состоянии, нашел другую женщину, которая была рада видеть меня в своей постели. Все эти годы Джулия держалась отчужденно, убирала дом, стирала мое белье, гладила мои рубашки и пришивала мне пуговицы. Она была такой милой, такой желанной, такой близкой, что иногда я принуждал ее, хотя она и плакала потом. И вот она обнаружила, что беременна. Я был счастлив и думал, что она тоже. Не было ребенка более любимого и обласканного, чем мой сын, и, к счастью, он был из тех детей, которых не испортить избытком любви.

Его голос стал еще глуше, и я прижалась к нему теснее, боясь того, что последует дальше, потому что знала, что это будет ужасно.

– После рождения Скотта Джулия прямо сказала мне, что исполнила свой долг, подарив мне сына, и теперь я должен оставить ее в покое. Я с радостью оставил ее в покое, но в глубине души был очень обижен. Я говорил с ее матерью о наших проблемах, и она намекнула мне на какую-то тайну в прошлом Джу-

лии, какую-то историю с кузенком, который сделал что-то с Джулией, когда той было всего четыре года. Я так никогда и не узнал, что именно он сделал, но, что бы то ни было, это отвратило мою жену от секса на всю жизнь. Я предложил Джулии вместе сходить в семейную консультацию или к психологу, но она отказалась наотрез – это было бы слишком мучительно, и когда же я наконец оставлю ее в покое? После этого я действительно оставил ее в покое. Всегда найдутся женщины, готовые утешить мужчину. У меня в офисе была очаровательная секретарша, которая дала мне понять, что согласна на все в любое время и в любом месте. Наш роман длился несколько лет. Я думал, мы оба очень осторожны и никто ни о чем не догадывается. Но однажды она пришла и сказала, что беременна от меня. Я не поверил, ведь она принимала таблетки. Я даже не мог поверить, что это мой ребенок, так как у нее были и другие любовники. Поэтому я сказал: нет, я не могу развестись, рискуя потерять Скотти, чтобы стать отцом ребенка, про которого я даже не уверен, что он мой. Она взорвалась. В тот вечер я вернулся домой и увидел жену такой, какой раньше не видел никогда. Джулия набросилась на меня, кричала, что я ей изменяю, в то время как она старается изо всех сил и родила мне сына, которого я так хотел. И теперь я предал ее, нарушил свою клят-

ву и выставил ее на посмешище всему городу! Она угрожала, что убьет себя. Я жалел ее, когда она орала, что нанесет мне удар. Она и раньше угрожала самоубийством, но никогда ничего такого не делала. Я надеялся, что этот взрыв разрядит наши отношения. Джулия больше не упоминала о моем романе. На самом деле она вообще перестала со мной общаться, разговаривала только когда Скотти был рядом, она хотела, чтобы у него был нормальный дом с якобы счастливыми родителями. От меня она получила сына, которого любила сверх всякой меры. Потом наступил июнь и третий день рождения Скотти. Джулия собиралась устроить для него праздник и пригласила к нему шестерых детей, которые, естественно, должны были прийти со своими мамами. Была суббота. Я был дома и, чтобы отвлечь Скотти, очень возбужденного в ожидании праздника, я дал ему парусную лодочку, она как раз подходила к матросскому костюмчику, который он должен был надеть. Джулия, одетая в голубое легкое платье, спустилась с ним по лестнице. Ее прелестные темные волосы были перевязаны сзади голубой атласной лентой. Скотти держался за мамину руку, а в другой нес лодочку. Джулия сказала мне, что купила мало конфет, а день такой хороший и они со Скотти дойдут до ближайшего магазинчика купить еще. Я предложил подвезти ее. Она отказалась.

Я сказал, что прогуляюсь с ними. Она снова отказалась. Она хотела, чтобы я остался дома, вдруг кто-то из гостей придет раньше. Я сидел на веранде и ждал. В доме уже был накрыт стол, с люстры свисали разноцветные шарiki, были готовы хлопушки, маскарадные шапочки, и Хенни испекла огромный торт. Гости стали съезжаться часам к двум. А Джулии и Скотти все не было. Я начал волноваться, поэтому сел в машину и поехал в магазин, надеясь встретить их в проулке, ведущем к дому. Но я их не встретил. Я спросил у продавца, заходили ли они, но никто из служащих их не видел. Вот тогда я действительно испугался. Я объезжал улицы и спрашивал у прохожих, не видели ли они женщину в голубом и мальчика в матроске. Я спросил четверых или пятерых, и тут мальчик на велосипеде сказал, что да, он видел женщину в голубом и маленького мальчика с лодкой в руках, и показал, в каком направлении они шли. Они шли к реке! Я поехал на полной скорости, выпрыгнул из машины и помчался по тропинке. Каждую секунду я боялся, что опоздаю. Я пытался успокоить себя, что Скотти просто захотел попускать лодку, как я любил делать в детстве. Я бежал так быстро, что у меня закололо сердце, и наконец выбежал к поросшему травой берегу. Там они и были оба, плавали в реке лицом вверх. Джулия вцепилась в Скотти, который явно пытался высвобо-

диться; его лодочка качалась на волнах. Голубая лента плавала рядом с распущенными темными волосами Джулии, похожими на ленты, вплетенные в водоросли. Воды было всего лишь по колено.

Крик застрял у меня в горле, я чувствовала страшную боль Пола, но он не услышал меня. Он продолжал:

– В одно мгновение я подхватил обоих на руки и вытащил на берег. Джулия еще дышала, но Скотти казался совсем мертвым, поэтому сначала я бросился к нему в бесполезной попытке вернуть его к жизни. Я делал все возможное, чтобы откачать ему воду из легких, но он был мертв. Тогда я стал делать то же с Джулией. Она не открывала глаз, но хотя бы дышала. Я отнес обоих в машину и повез в ближайшую больницу, где они попытались вернуть Джулию к жизни, но не смогли. Как я не смог вернуть к жизни Скотти.

Пол замолчал и пристально посмотрел мне в глаза.

– Вот что я хотел рассказать девушке, которая думает, что только она страдала, только она теряла и только она скорбит. О, я скорблю не меньше твоего, но я еще несу свою вину. Я должен был понять, как напряжена Джулия. За несколько дней до дня рождения Скотти мы смотрели «Медю» по телевизору, и она вдруг заинтересовалась, хотя всегда была к телевидению равнодушна. Какой я был идиот, что не дога-

дался, о чем она думает и что собирается сделать. Но даже сейчас я не понимаю, как она могла убить нашего сына, которого так любила. Она могла развестись со мной и оставить его себе. Я бы никогда не забрал его. Но такой мести было Джулии мало. Она захотела убить то, что было мне дороже всего, – моего сына.

Я не могла произнести ни слова. Что за женщина была Джулия? Как моя мать? Моя мать убила, чтобы получить наследство. Джулия убила из мести. Неужели я стану такой же? Нет, конечно же, нет. Мой путь будет лучше, гораздо лучше, а она будет жить и страдать, страдать, страдать.

– Прости, – удрученно сказала я. Мне было так жаль его, что я поцеловала его в щеку. – Но у тебя еще могут быть дети. Ты можешь опять жениться.

Я обняла его, но он только покачал головой.

– Забудь Джулию! – воскликнула я, обвиняя руками его шею и прижимаясь к нему. – Разве ты не говорил мне, что надо простить и забыть? Прости себя и забудь, что случилось с Джулией. Я помню папу и маму, они всегда ласкались и целовались. С младенчества я знаю, что мужчину надо ласкать и целовать. Я всегда замечала, как мама успокаивала папу, когда он был не в духе. Она смотрела на него нежно, целовала и гладила.

Я откинула голову и улыбнулась ему, как мама улы-

балась папе.

– Расскажи, как невеста должна вести себя в брачную ночь. Я не хочу разочаровать своего жениха.

– Ничего такого я рассказывать не буду!

– Тогда я просто представлю себе, что ты мой жених, а я только что вышла из ванной, где раздевалась. Или, может, лучше я разденусь прямо перед тобой? Как ты думаешь?

Он откашлялся и попытался меня отодвинуть, но я обвила его, как плющ.

– Я думаю, тебе пора отправляться спать и оставить все эти игры.

Я не шелохнулась. Снова и снова я целовала его, и скоро он начал мне отвечать. Я чувствовала, как наполняется теплом его плоть, но вдруг его губы напряглись в жесткую линию, руки его, лежавшие на моих плечах и коленях, сжались. Он встал, держа меня на руках, и направился к лестнице. Я подумала, что он собирается отнести меня к себе в комнату и любить меня там, я была смущена и напугана, но в то же время страстно желала этого. Но он отправился прямо в мою комнату и там, около моей узкой кровати, заколебался. Он прижал меня к груди и держал так долго-долго, пока дождь все стучал и стучал по оконному стеклу. Казалось, Пол забыл, кто я, его щетинистая щека терлась о мою: теперь он ласкал меня щекой, а

не руками. И опять, как всегда, я заговорила и испортила все.

– Пол. – Мой робкий голос вывел его из каких-то глубоких грез, которые, если бы я промолчала, привели бы меня к тому вечно подавляемому экстазу, о котором так мечтало мое тело. – Когда мы были заперты наверху, бабушка всегда называла нас дьявольским отродьем. Она говорила, что мы семена зла, посаженные в дурную почву, и ничего хорошего из нас не выйдет. Поэтому мы никогда не знали, кто мы, имеем ли мы право жить. Неужели то, что наша мать вышла замуж за своего дядю, который был всего на три года старше ее, так ужасно? Ни одна чувствующая женщина не могла бы устоять против него. Я бы не устояла. Он был как ты. Дедушка с бабушкой считали, что наши родители совершили страшный грех, поэтому они презирали нас, даже близнецов, которые были такими крохотными и милыми. Они называли нас нечистыми. Неужели они были правы? Правы, пытаюсь уничтожить нас?

Я сказала именно то, что вернуло его к реальности. Он быстро отпустил меня и отвернулся, так что я не видела его глаз. Я терпеть не могла, когда люди прятали от меня глаза, чтобы я не увидела правды.

– Я думаю, что твои родители очень любили друг друга и были молоды, – сказал Пол странным, напря-

женным голосом. – Так любили, что не задумывались о будущем и о последствиях.

– О! – закричала я в ярости. – Ты думаешь, дедушка с бабушкой были правы и мы – порождение зла!

Он резко обернулся ко мне, его мягкие, чувственные губы были приоткрыты, он был взбешен.

– Не переиначивай моих слов в угоду своей жажде мести. Никакая причина не оправдывает убийства, если это не самозащита. Ты не порождение зла. Твои дед с бабкой были фанатиками, им следовало научиться принимать все как есть и пытаться сделать все возможное. А им было чем гордиться – четверьмя внуками, которых подарили им твои родители. И если твои родители сознательно вступили в игру, когда решили завести детей, то я считаю, они ее выиграли. Господь был на твоей стороне и дал тебе слишком много красоты и умения ее ценить и, возможно, чересчур много талантов. И вот мы видим юную девушку, которую обуревают взрослые чувства – совсем ей не по возрасту и не по силам.

– Пол?..

– Не смотри на меня так, Кэтрин.

– Я не знаю, как я смотрю.

– Немедленно спать, Кэтрин Шеффилд!

– Как ты назвал меня? – спросила я, когда он уже направлялся к выходу.

Он улыбнулся:

– Это была не оговорка по Фрейду, не думай. Доллангенджер – слишком длинное имя. Шеффилд подходит гораздо лучше. Мы можем официально оформить перемену фамилии.

– О. – Меня замутило от разочарования.

– Послушай, Кэтрин, – сказал Пол, стоя в дверном проеме. Он был такой огромный, что загоразживал свет из коридора. – Ты играешь в опасную игру. Ты пытаешься соблазнить меня, а устоять против тебя трудно. Но в моей жизни ты как дочь, и ничего больше.

– В тот день, когда ты хоронил Джулию и Скотта, шел дождь?

– Какая разница? Когда ты хоронишь того, кого любишь, всегда идет дождь.

И он быстро прошел по коридору до своей комнаты и захлопнул за собой дверь.

Итак, я пыталась дважды и оба раза была отвергнута. Теперь я могла вольно идти беззаботным, безоглядным путем дальше и танцевать, танцевать, пока не достигну вершины. И это уж докажет маме, которая умеет только вышивать и вязать, кто умнее и талантливее. Она увидит, кто получает наследство, не продавая себя и не опускаясь до убийства, чтобы его получить.

Обо мне узнает весь мир! Меня будут сравнивать с

Анной Павловой и говорить, что я лучше. Мама придет на прием, устроенный в мою честь, и с ней будет ее муж. Она будет выглядеть старой, увядшей, уставшей, а я буду молода и свежа, и ее драгоценный Барт подойдет ко мне, посмотрит на меня с восхищением и поцелует руку. «Вы – прекраснейшая из женщин, которых я когда-либо встречал, – скажет он, – и талантливейшая». И по одним глазам я пойму, что он любит меня, любит в десять раз сильнее, чем любил ее. И когда он будет моим, а она останется одна, я скажу ему, кто я, и он сначала не поверит. А потом поверит. И возненавидит ее! Он отнимет у нее все деньги. На что они пойдут? Тут я задумалась. Куда пойдут деньги, если их забрать от мамы? Обрато к бабушке? Они не достанутся нам – Крису, Кэрри или мне, потому что как Фоксворты мы просто не существуем. Тогда я улыбнулась самой себе, вспомнив о четырех свидетельствах о рождении, которые я нашла зашитыми под обивку одного из старых чемоданов. Я расмеялась. Ой, мама, какие же ты глупости иногда делаешь! Только представьте себе, спрятала свидетельства о рождении! С ними я могу доказать, что Кори существовал, а иначе бы это было просто ее слово против моего, если только полиция не отправится в Гладстон и не найдет врача, который принимал близнецов. А еще была наша старая няня, миссис Симп-

сон и Джим Джонстон. Надеюсь, никто из них не переехал и они все еще помнят четырех дрезденских куколок.

Я знала, что была злой, как говорила моя бабушка, с самого начала, рожденная для дурного. Я была наказана еще до того, как сделала что-то плохое, и почему бы преступлению не быть под стать наказанию? Нет никаких оснований, чтобы меня преследовали призраки и вся жизнь моя была порушена только за то, что в давнее горькое время я искала утешения в объятиях брата. Если было злом дать ему то, что отвергали его слова, но о чем молили его глаза, то пусть я буду злой!

Засыпая, я стала представлять себе, как все будет. Барт не отвернется, не отвергнет меня, я сделаю это невозможным. Он не захочет причинять мне боль. Он примет меня, объяснит себе, что должен был так поступить, и не будет чувствовать на себе вины.

Вся вина будет на мне. А Крис возненавидит меня и вынужден будет найти кого-то еще.

Нежней всех роз

В апреле 1961 года мне исполнилось шестнадцать. Я была в самом цвете юности, когда все мужчины, молодые и старые, в основном те, кому за сорок, оглядывались на меня на улице. Когда я стояла на углу и ждала автобус, машины замедляли ход, потому что водители не могли отвести от меня глаз.

И если они были в восторге, то я и того больше. Я крутилась перед многочисленными зеркалами в доме Пола, видела в них, иногда с удивлением, очаровательную, восхитительно красивую девушку и делала поразительное открытие: это я! Я была потрясающа и понимала это. Джулиан часто прилетал, чтобы пожираться горящим от желания взглядом, говоря мне, что он знает, чего хочет, пусть я и не знаю. Криса я видела только в выходные и знала, что он все еще меня хочет, все еще любит больше, чем сможет полюбить кого-нибудь еще.

Крис и Кэрри приехали домой в выходные, когда у меня был день рождения, и мы смеялись, обнимались и говорили так быстро, как будто у нас никогда не хватало времени наговориться всласть, особенно мы с Крисом. Я хотела сказать Крису, что мама скоро будет жить в Грингленне, но боялась, что он попытается по-

мешать моему плану, поэтому так и не упомянула об этом. Потом Кэрри оставила нас и сидела, глядя на нашего благодетеля огромными грустными глазами. Этот большой, красивый человек велел мне одеться в самое лучшее.

– Почему бы тебе не надеть то платье, которое ты бережешь для особых случаев? В твой день рождения я приглашаю вас всех отведать изысканнейшие блюда в моем любимом ресторане – «Доме на плантации».

Я тотчас помчалась наверх и бросилась переодеваться. Я хотела получить от дня рождения все. Мое лицо еще не нуждалось в косметике, но я все же сделала полный макияж, даже нарисовала иссиня-черной тушью ресницы и потом загнула края щипчиками. Ногти мои сверкали, как жемчуга, и я надела ярко-розовое платье. О, я чувствовала себя такой хорошенькой, вертясь перед псише, купленным в угоду моему тщеславию.

– Моя леди Кэтрин, – сказал Крис, заглядывая в дверь, – ты выглядишь великолепно, но это дурной вкус – восторгаться собой так безудержно, что чуть ли не целовать собственное отражение. Право, Кэти, имей терпение дожидаться комплиментов от других, не одаривай ими себя сама.

– Я боюсь, что никто другой мне их не скажет, по-

этому и говорю их себе – это придает уверенности. Правда, я красивая, а не просто хорошенькая?

– Ага, – сказал он смешным напряженным голосом. – Боюсь, мне никогда больше не увидеть девушки такой красивой, как ты сейчас.

– Можно сказать, что я с возрастом становлюсь все лучше?

– Больше комплиментов от меня не дождешься! Ничего удивительного, что бабушка разбила все зеркала! У меня самого есть такое желание. Какое тщеславие!

Я нахмурилась: мне не нравились упоминания об этой старухе.

– Ты выглядишь сногшибательно, Крис, – сказала я, одаривая его нежной улыбкой. – Я не стесняюсь говорить комплименты, когда они заслуженные. Ты такой же красивый, как папа.

Каждый раз, когда он приезжал домой из школы, он выглядел еще красивее и еще взрослее. Хотя, если присмотреться внимательнее, я замечала, что от умудренности у него появляется странное выражение глаз и он начинает выглядеть гораздо старше меня. Еще он казался грустнее, уязвимее меня, и это сочетание было особенно притягательным.

– Почему ты несчастлив, Крис? – спросила я. – Разве жизнь разочаровывает тебя? Разве это меньше,

чем ты себе представлял, когда мы были заперты и только мечтали о будущем? Ты жалеешь, что решил стать врачом? Может, ты хочешь танцевать, как я?

Я подошла поближе и заглянула в его глаза, говорящие так много, но он опустил их, и его руки потянулись, чтобы обхватить мою талию, но моя талия была недостаточно тонкая или его руки недостаточно велики. А может, он просто хотел до меня дотронуться? Превращая в игру то, что было всерьез. Может, так? Я заглянула ему в глаза и увидела любовь, в которой так нуждалась, а потом захотела не знать ничего об этом.

– Крис, ты не ответил.

– О чем ты спрашивала?

– Жизнь, занятия медициной – это оправдывает твои ожидания?

– А что оправдывает?

– Звучит цинично. В моем духе, не в твоём. – Он вскинул голову и светло улыбнулся.

О боже!

– Да, – сказал Крис, – жизнь снаружи оказалась тем, чего я и ждал. В отличие от тебя я был реалистичен. Мне нравится школа, нравятся мои друзья. Но я по-прежнему скучаю по тебе, мне трудно без тебя, я все время пытаюсь представить, что у тебя сейчас на уме.

Он опять отвел взгляд и помрачнел, устремившись

мыслями к невозможному.

– С днем рождения, леди Кэтрин, – нежно произнес он и коснулся своими губами моих.

Просто легкий невесомый поцелуй, не требующий большего.

– Пойдем, – решительно сказал Крис, беря меня за руку. – Все готовы, кроме прекрасной капризной принцессы.

Мы спустились по лестнице рука об руку. Пол и Кэри уже ждали нас, Хенни тоже была там. Дом казался таким незнакомым, притихшим и выжидающим, таким таинственно-темным, с выключенным везде, кроме холла, светом. Как странно!

Вдруг из темноты раздался хор голосов: «Сюрприз! Сюрприз!», зажглись все огни, и нас с Крисом окружили все ученики моего балетного класса.

Хенни внесла трехслойный именинный торт, причем каждый слой был меньше предыдущего, и гордо сказала, что она испекла и украсила его сама. «Пусть мне всегда сопутствует успех! – загадала я с закрытыми глазами, задувая свечи. – Я догоняю тебя, мама, взрослею и умнею с каждым днем. Скоро придет день, и я стану достойным противником!»

Я дула так сильно, что мягкий розовый воск попал прямо на розовые сахарные розочки, разложенные по бледно-зеленым кремовым листьям. Напротив меня

стоял Джулиан. Взгляд его черных глаз жег меня насквозь, и в них читался вопрос, который он повторял снова и снова.

Я пыталась встретиться глазами с Крисом, но он или отводил их в сторону, или опускал в пол. Кэрри держалась поближе к Полу, который сидел поодаль и старался не выглядеть суровым. Как только я распаковала все подарки, Пол поднялся, подхватил Кэрри на руки и ушел наверх.

– Спокойной ночи, Кэти! – крикнула Кэрри. Ее сонное личико светилось счастьем. – Это лучший день рождения, который я видела.

Мне стало так больно, что я чуть не заплакала, ведь за свои без малого девять лет все дни рождения, которые она видела, кроме дня рождения Криса в прошлом ноябре, были жалкими попытками сделать из ничего хоть что-нибудь.

– Почему ты такая грустная? – спросил Джулиан, подойдя и обняв меня за плечи. – Радуйся, я у твоих ног и готов разжечь огонь в твоём сердце и в твоём теле.

По правде говоря, я терпеть не могла, когда он так себя вел. Он всячески старался показать, что я принадлежу ему, и только ему. Он подарил мне кожаную сумочку для гамаш, балетных туфель и тому подобного. Я ускользнула от него, мне не хотелось, чтобы

кто-нибудь заявлял сегодня на меня свои права. Все девушки, которые еще не были влюблены в Джулиана, немедленно подпали под обаяние Криса, и это никак не располагало Джулиана к нему. Я не знаю, что послужило поводом, но вдруг, как по свистку, Крис и Джулиан оказались в углу, споря о чем-то и уже готовые к драке.

– А мне плевать, что ты думаешь, – свирепел Крис, спокойный, как око бури. – Моя сестра слишком юна для любовника и для Нью-Йорка.

– Ты! Ты! – выпалил в ответ Джулиан. – Что ты знаешь о танцах? Да ничего! Ты даже ходить не умеешь, не наступая себе на ноги!

– Может, это и так, – отвечал Крис ледяным голосом, – но я умею что-то другое. А сейчас мы говорим о моей сестре и о том, что она еще несовершеннолетняя. Я бы не хотел, чтобы ты уговаривал ее ехать с тобой в Нью-Йорк, пока она даже не закончила школу.

Я смотрела то на одного, то на другого, не в силах сказать, кто из двоих красивее. Мне было плохо оттого, что они демонстрировали всем свою враждебность, и оттого, что больше всего мне хотелось дружбы между ними. Меня так трясло, что я была готова заорать: «Хватит! Прекратите!», но молчала.

– Кэти, – позвал Крис, ни на секунду не спуская глаз с Джулиана, который, казалось, был уже готов нане-

сти удар, – ты действительно считаешь, что готова к дебюту в Нью-Йорке?

– Нет, – почти прошептала я.

Джулиан метнул на меня разъяренный взгляд, ведь все время, которое мы проводили вместе, он только и требовал, чтобы я поехала с ним в Нью-Йорк, стала его любовницей и партнершей. Я знала, зачем нужна ему: мой вес, мой рост, моя комплекция идеально ему подходили. Самым главным для па-де-де было найти подходящего партнера.

– Пусть все ваши дни рождения превратятся в ад на земле! – сказал Джулиан на пути к двери, которую с грохотом захлопнул за собой.

Так закончился мой праздник, и все уходили домой чуть смущенными. Крис скрылся в своей комнате, даже не пожелав мне спокойной ночи. Со слезами на глазах я стала убирать мусор с ковра в гостиной. Я нашла дырку в зеленом плюше ковра, прожженную чьей-то сигаретой. Кто-то разбил одну из очень ценных вещей – прозрачную розу из сверкающего хрусталя. Я подобрала осколки и подумала, что надо купить клей и склеить их, а еще надо найти способ замаскировать дырки в ковре и отчистить белые пятна со стола.

– О розе не беспокойся, – услышала я из-за спины голос Пола. – Это просто дешевая поделка. Всегда

можно купить другую.

Я обернулась и посмотрела на него. Он так беззаботно стоял, опершись о косяк, и смотрел добро и спокойно на мое заплаканное лицо.

– Это была очень красивая роза, – выдохнула я. – И очень дорогая. Я куплю тебе еще одну, если найду такую же, а если не найду, куплю еще лучше, когда смогу.

– Забудь об этом.

– Еще раз спасибо за прекрасную музыкальную шкатулку. – Мои руки нервно потянулись к декольте, пытаюсь прикрыть вырез. – Однажды мой папа подарил мне серебряную музыкальную шкатулку с балериной внутри, но мне пришлось ее оставить.

Я не могла больше говорить, потому что мысли о папе всегда возвращали меня к детскому ощущению холода и безнадежности.

– Крис рассказал мне о шкатулке, которую подарил тебе папа, и я искал похожую. Получилось?

– Да, – сказала я, хотя шкатулка была совсем другая.

– Хорошо. Теперь иди спать. Забудь про беспорядок, Хенни все уберет. У тебя сонный вид.

Я поднялась по лестнице и вошла в свою комнату, где, к моему удивлению, меня ждал Крис.

– Что у тебя с Джулианом? – выпалил он.

– Ничего!

– Не лги мне, Кэти! Ради ничего он не стал бы летать сюда так часто!

– Не суй нос в чужие дела, Кристофер! – злобно ответила я. – Я не пытаюсь учить тебя жизни и требую того же от тебя! Ты не святой, и я не ангел! Ты из породы мужчин, которые думают, что могут делать все, что хотят, а я должна сидеть в сторонке, строгая, правильная, и ждать, когда кто-то появится и возьмет меня в жены! Но я не такая! Никто не смеет мной управлять и заставлять меня делать что-то, помимо моей воли, – это больше не повторится! Ни Пол! Ни мадам! Ни Джулиан! И тебе я этого не позволю!

Он побледнел и еле сдерживался, чтобы не перебить меня.

– Я хочу, чтобы ты не лез в мою жизнь, Кристофер! Я буду делать все, что придется, слышишь, все, что придется, чтобы достичь вершины!

Он смотрел на меня своими темно-синими глазами, из которых летели дьявольские искорки.

– Значит, ты пересподишь с любым, если будет нужно.

– Я буду делать все, что будет необходимо! – бросила я в ответ, хотя раньше никогда об этом не задумывалась.

Казалось, Крис едва сдерживался, чтобы меня не ударить, и усилие, которое он прилагал ради этого, за-

ставило его сжать кулаки. Вокруг его напряженных губ выступили белые складки.

– Кэти, – заговорил он оскорбленным тоном, – что на тебя нашло? Я никогда не думал, что из тебя выйдет еще одна приспособленка.

Я с горечью взглянула ему в глаза. А что он думал о своем поведении? Мы случайно наткнулись на несчастного одинокого человека, и мы использовали его, но рано или поздно придется платить. Бабушка всегда говорила, что никто ничего за так не делает. Но почему-то я не могла его больше ранить и не могла сказать ни слова против Пола, который взял нас к себе и делал все, что мог. По правде говоря, у меня было достаточно оснований считать, что он не требует никакой награды.

– Кэти, – взмолился Крис, – мне ненавистно каждое сказанное сейчас тобой слово. Как ты можешь со мной так разговаривать, зная, что я тебя люблю и уважаю? Не проходит и дня, чтобы я не тосковал по тебе. Я живу выходными, когда я наконец вижу тебя и Кэри. Не отворачивайся от меня, Кэти, ты так мне нужна. Ты мне всегда будешь нужна. Мне страшно думать, что я не так нужен тебе.

Он взял меня за руки и прижал бы к себе, но я вырвалась и повернулась к нему спиной. Как я могла сказать, что правильно, что неправильно, когда всем все

равно?

– Крис, – подавленно начала я, – мне стыдно за то, как я с тобой говорила. Поверь, мне очень важно, что ты думаешь. Но я просто истерзана. Я думаю, мне нужно все сразу, чтобы забыть о том, что я потеряла и сколько я выстрадала. Джулиан хочет, чтобы я поехала с ним в Нью-Йорк. Мне кажется, я еще не готова, мне не хватает самодисциплины, так все время говорит мадам, и она права. Джулиан говорит, что любит меня и будет обо мне заботиться. Я не знаю, что такое любовь и любит ли он меня или просто хочет, чтобы я помогла ему достичь цели. Но наши цели совпадают. Поэтому объясни, как мне понять, любит он меня или только хочет использовать?

– Позволяла ли ты ему заниматься с тобой любовью? – спросил он бесцветным голосом и посмотрел на меня пустыми глазами.

– Нет! Конечно нет!

Он привлек меня к себе и крепко обнял.

– Подожди хотя бы год, Кэти. Доверься мадам Марише, а не Джулиану. Она знает больше, чем он. – Он замолчал и заставил меня поднять голову.

Я изучающе смотрела на его прекрасное лицо и думала, почему он не продолжает.

Я была вся томление, меня переполняло стремление к романтической концовке. И еще я была напуга-

на тем, что внутри меня. Такой я была похожа на маму. Когда я смотрелась в зеркало, то видела, как во мне проступают мамины черты. Меня волновало то, что я похожа на нее, и, как это ни парадоксально, я ненавидела себя за то, что являюсь ее отражением. Нет-нет, внутренне я не была на нее похожа, только внешне. Моя красота была не только на поверхности.

Я повторяла это себе, когда специально отправилась в центр Гринглена. В мэрии под предлогом поиска свидетельства о рождении матери я нашла свидетельство о рождении Барта Уинслоу. Я узнала, что он на восемь лет моложе моей матери, и еще узнала его точный адрес. Я прошла пятнадцать кварталов и оказалась на тихой, усаженной вязами улочке, где стояли старые полуразвалившиеся особняки. Отличался от всех только дом Барта Уинслоу. Он был весь в лесах. Дюжина рабочих устанавливала ставни на свежестроенном кирпичном доме с белым портиком и белыми оконными рамами.

На следующий день я пошла в грингленскую библиотеку, чтобы узнать все о семействе Уинслоу. К своему огромному удовольствию, просматривая старые газеты, я обнаружила, что отдел светской хроники посвящал большую часть своих колонок Барту Уинслоу и его баснословно богатой красавице-жене.

«Наследница одного из крупнейших состояний

графства». Эту заметку я незаметно стащила и отвезла Крису. Я не хотела, чтобы он знал, что мама будет жить в Грингленне. Он с некоторым расстройством прочитал заметку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.